

Маленькие женщины

ЭЛИЗАБЕТ МИД-СМИТ
ЧУДЕСНЫЙ
ЗАМОК

Маленькие женщины

Элизабет Мид-Смит

Чудесный замок

«ЭНАС»

1887

УДК 821.111(73)

ББК 84(7)-44

Мид-Смит Э.

Чудесный замок / Э. Мид-Смит — «ЭНАС», 1887 — (Маленькие женщины)

ISBN 978-5-93196-688-5

Три сестры – Примроз, Джесмин и Дэйзи – остались круглыми сиротами, когда им было 17, 13 и 10 лет. Поняв, что на пенсию им не прожить, а страховке скоро придет конец, Примроз берет в банке остаток денег и, гордо отвергнув помощь богатых и добрых друзей, решает ехать с сестрами в Лондон, чтобы научиться самим зарабатывать себе на жизнь...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7)-44

ISBN 978-5-93196-688-5

© Мид-Смит Э., 1887

© ЭНАС, 1887

Содержание

Глава I. Начало	6
Глава II. Первый месяц после несчастья	8
Глава III. Мисс Мартиноу	10
Глава IV. Путь к спасению	13
Глава V. Содержимое конторки	15
Глава VI. Много визитеров	18
Глава VII. Шортландс	24
Глава VIII. Тридцать фунтов в год	28
Глава IX. Странное письмо и предполагаемый визит в Лондон	30
Глава X. Пути и средства заработать на жизнь	33
Глава XI. Отказ	35
Глава XII. Их нельзя разлучать	37
Глава XIII. Сестры читают письмо миссис Элсуорси	39
Глава XIV. Все по-своему	42
Глава XV. Уговоры не действуют	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Элизабет Мид-Смит

Чудесный замок

© Л. А. Иотковская. Перевод с англ., 2006

© А. Ю. Власова. Иллюстрации, 2006

© ООО «Глобулус», 2006

© ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС», 2006

Глава I. Начало

Трем девочкам дали имена от названий цветов. Вот как это произошло. Когда Примроз впервые взглянула на мир, она вернула немного весны материнскому сердцу. Еще до ее рождения миссис Мэйнуеринг пережила ужасное горе – настолько чудовищное, что с ним невозможно было свыкнуться. Сердце ее было разбито, и она почти потеряла желание жить.

Дитя родилось весной, в марте, и прикосновение к его нежному, бархатистому личику и пухлому тельцу вызывало у матери улыбку. Она восприняла рождение дочери как благословение и поняла, что жизнь продолжается. Тогда только начали раскрываться бледные, но такие красивые цветки первоцвета. Миссис Мэйнуеринг сказала, что девочка стала для нее символом весны и назвала ее Примроз¹.

Второй ребенок появился на свет в Италии роскошным, сияющим летом. Все вокруг цвело, и черноволосая кроха взидала на мир лучистыми темными глазами. Ее назвали Джесмин², и это имя с самого начала ей очень шло.

Самая младшая родилась тоже летом, но в Англии, в одной из деревень графства Девоншир. К моменту рождения Джесмин семья была богатой, но потом разорилась. Богатством матери стали три маленькие дочки. нарекая третью дочь, она подумала о цветах своей родины и позволила Примроз и Джесмин самим выбрать цветок. Те принесли с поля охапки маргариток и попросили назвать сестренку Дэйзи³.

Девочки росли в деревенском коттедже. Их отец, капитан Мэйнуеринг, служил в Индии, в той ее области, где климат особенно губителен. Он писал своим близким с каждой почтой и в письмах выражал надежду на скорое возвращение домой, к жене и детям. Однако

¹ *Primrose* – первоцвет (англ.).

² *Jasmine* – жасмин (англ.).

³ *Daisy* – маргаритка (англ.).

смерть настигла braveго капитана раньше. Когда Примроз было десять, а Дэйзи только начала ходить, их мать стала офицерской вдовой, не имеющей ничего, кроме скромной пенсии.

Но в Девоншире жизнь была дешевой, плата за жилье – низкой, образ жизни – скромным и простым. Сестры росли, как цветы, не задумываясь о завтрашнем дне, счастливые тем, что были совершенно здоровы, что солнце сияло, а нежный ветерок обдувал их лица. Они были так же простодушны, как и остальные жители их деревушки – не мечтали о красивых платьях и не знали правил жизни, предписанных людьми, считающими себя умнее других. Миссис Мэйнуеринг, перенеся тяжелое горе перед рождением Примроз, была потрясена смертью мужа. С этих пор скорее дочери заботились о ней, чем она о них. Они делали то, что им нравилось, а их мать верила, что девочки сами сумеют найти свое счастье.

В характерах двух старших девочек сочетались нежность и сила духа. Примроз была свойственна ненавязчивая практичность. Когда она поняла, что мать позволяет им учиться кое-как, она выработала несколько правил для себя и сестер, настолько простых и легких, что остальные охотно им следовали. Они сами попросили мать ежедневно проверять их уроки и регулярно, дважды в неделю, навещали старую мисс Мартиноу которая учила их играть на фортепьяно и давала уроки немного устаревшего французского языка.

Сестры считали Примроз самой умной, но она полагала самой умной Джесмин. Ей нравилась романтичность Джесмин, умение из всего извлекать радость и воспринимать жизнь как бесценный дар добрых волшебников. Дэйзи была всеобщей любимицей. Очень хорошенькая, хрупкая, она нравилась всем, а потому росла избалованным ребенком.

Внешность Примроз гармонировала с ее прелестным именем. У нее были прямые мягкие золотистые волосы, светло-карие глаза и гладкая кожа. Выражение лица – спокойное и безмятежное. При взгляде на Примроз каждый чувствовал умиротворение; у нее была особая медленная манера говорить, и она никогда не бросала слов на ветер. Джесмин – полная противоположность старшей сестре, брюнетка со смуглой кожей и необыкновенно яркими, красивыми глазами, двигалась быстро, всегда была оживлена, и в минуты особого волнения речь ее становилась слишком быстрой, сумбурной, а порой и бессвязной. Такие простые занятия, как прогулка по деревне, сбор ежевики или клубники, чтение новой книги, могли лишить ее сна до полуночи. Короче говоря, она была маленьким, постоянно действующим вулканом в этом спокойном доме и была бы просто невыносимой, если бы не удивительное природное обаяние, которому рано или поздно поддавались все.

Дэйзи, белокурая, кудрявая, с широко раскрытыми голубыми глазами, была очаровательным ребенком, сочетая в себе все лучшие черты обеих старших сестер.

Девочки жили, ни о чем не заботясь. Когда были голодны – ели, когда уставали и хотели спать – ложились и спали спокойно, без сновидений. Они не знали иного мира, кроме ограниченного мирка деревни Розбери. Однако и романтичная Джесмин считала, что имей она немного больше книг и немного больше приключений, здешняя жизнь была бы совершенно прекрасна. Конечно, сестры понимали, что за пределами Розбери – огромный мир, но даже Джесмин не стремилась туда попасть.

Примроз было семнадцать, Джесмин – тринадцать, а Дэйзи – десять, когда внезапный удар разрушил их уютный мирок. Миссис Мэйнуеринг, не успев ни с кем попрощаться, скоропостижно скончалась.

Глава II. Первый месяц после несчастья

Бывают разные матери. Миссис Мэйнуеринг была из тех, которые не могут сказать резкого слова своим детям. Она не умела быть строгой, считая своих дочек лучшими из человеческих существ. В их семье девочки были главными, и ей это нравилось. После смерти мужа, когда горечь утраты перестала быть невыносимой, она впала в некое отрешенное состояние: жила сегодняшним днем, была довольна его маленькими радостями, принимала свет солнца как Божий дар и детский смех – как сладчайшую музыку. В первые годы замужества она была богата, но капитан Мэйнуеринг потерял все состояние после крушения банка. Когда родилась Дэйзи, они были совсем бедны. Перед отъездом в Индию капитан застраховал свою жизнь на тысячу фунтов, и после его смерти вдова с детьми жила безмятежно на маленькую пенсию, а когда не хватало – прибавляла понемногу из суммы страховки. Она не пыталась, как сделали бы на ее месте другие, вложить деньги в какое-нибудь дело, чтобы приумножить капитал. Нет, она предпочла оставить деньги спокойно лежать в банке и брала оттуда, когда возникала необходимость. Некому было дать ей совет, поскольку немногие ее друзья в Розбери абсолютно ничего не понимали в финансах. Как и большинство женщин, которые прежде жили в достатке, миссис Мэйнуеринг совершенно не задумывалась о том, что станет делать, когда такая небольшая сумма, как тысяча фунтов, иссякнет. Она ни о чем не волновалась, считая, что банк ее всегда поддержит. И, конечно, не могла и подумать, что она, еще такая молодая, может внезапно умереть. Но это, к несчастью, случилось, и ее дочери остались практически без средств.

Миссис Мэйнуеринг никогда не приходилось работать, чтобы прокормить дочерей; но никакая мать, даже если она всю жизнь трудилась сверх сил ради своих детей, не была так любима, как она. После ее смерти дочери были безутешны. Они скорбели о матери каждая на свой лад и согласно своему характеру. Примроз и в горе сохраняла спокойствие и самообладание. Джесмин страдала бурно и истерично, часто переходя от смеха к рыданиям. Дэйзи боялась этих взрывов и жалась к Примроз, которая ее утешала. Старшая сестра сразу повзрослела и заменила девочкам мать.

Целый месяц сестры горевали, отказываясь выходить из дома и не общаясь с соседями. В обычных обстоятельствах месяц – срок небольшой, но девочкам, в их горе, он казался бесконечным. Однажды Джесмин пролежала без сна всю ночь, до первых солнечных лучей. Примроз испугалась и решила применить спокойную, но твердую власть.

– Джесмин, – сказала она, – у нас есть красивые черные платья. Сидя дома в такую славную погоду, мы не вернем дорогую мамочку. Сегодня чай будет чуть раньше, чем всегда, а после мы немного погуляем.

Джесмин, подняв залитое слезами лицо, отвечала, что считает прогулку противоестественной и неуважительной по отношению к памяти дорогой мамочки, но если Примроз настаивает, то, ладно, она пойдет. Лицо ее слегка посветлело. Что касается Дэйзи, она вместо ответа в первый раз после смерти матери поиграла с котенком.

В тот вечер три осиротевших юных создания надели свои новые черные платья и вышли на живописную извилистую деревенскую улицу. Воздух был душист, и Джесмин подняла вуаль с разгоряченного лица. Прогулка их немного утешила и освежила. По дороге они увидели Поппи, дочку их прачки, которая стояла около своего домика. Она сказала им сочувственно:

– О, мисс Примроз, так славно, что вы вышли наконец из дома. Мисс Джесмин, дорогая, птенец канарейки подрос, можете его взять. Теперь он будет петь очень долго и красиво. Принести его вам завтра утром, мисс Джесмин?

– Конечно, Поппи, я так благодарна тебе, – отвечала Джесмин своим прежним, жизнерадостным тоном.

Но тут же устыдилась, покраснела и поспешила догнать Примроз, которая шла, опустив вуаль и заботливо держа за руку Дэйзи.

В ту ночь все девочки хорошо спали. Им стало лучше от свежего воздуха, от встречи с Поппи и оттого, что у них будет канарейка.

Поппи пришла со своим подарком точно в назначенное время. Она была славной деревенской девушкой и обожала всех мисс Мэйнуеринг.

– Птичка Джимми любит, чтобы было много солнца, – сказала Поппи. – Она молодая, а мама говорит, что всем молодым нужно как можно больше солнечного света. Вы позволите поднять шторы в эркере, мисс Примроз, и повесить там клетку с Джимми?

Примроз кивнула. Думая о Джимми, она совсем забыла, что эркер выходит прямо на деревенскую улицу.

– И не забудьте, пожалуйста, мисс, – прибавила Поппи, уже собираясь домой, – мисс Мартиноу заглянет сегодня вечером. Она говорит, что была рада увидеть юных леди на прогулке вчера вечером и что вы поступили очень благоразумно.

У Примроз всегда был нежный румянец; после слов Поппи он стал чуть ярче.

– Мы всегда стараемся быть благоразумными, – заметила она со спокойным достоинством. – Возможно, мисс Мартиноу не совсем поняла. Мы вышли на прогулку, потому что устали сидеть взаперти, но мы не в силах не горевать по нашей маме.

При этих словах Джесмин выбежала из комнаты, а круглые глаза Поппи наполнились слезами.

– О, мисс Примроз... – начала она.

– Неважно, Поппи, мы будем рады увидеть мисс Мартиноу сегодня вечером. Спасибо, что ты предупредила.

Соседи сестер Мэйнуеринг были людьми общительными. Девочек знали буквально все в деревне, и после смерти матери на них обрушился такой поток сочувствия, что в их маленьком коттедже могли с утра до ночи находиться сострадательные посетители. Примроз, однако, этого не допустила. Даже перед мисс Мартиноу, их учительницей и, возможно, ближайшим другом, двери дома сестер Мэйнуеринг оказались закрытыми. Удивленные соседи решили, что девочки от горя немного тронулись рассудком. Отвергнутые потоки сочувствия начали остывать.

Истинные мотивы их поведения были таковы: Примроз, Джесмин и Дэйзи были бы рады видеть Поппи Дженкинс или старую миссис Джонс, которая ходила к ним топить печи, и даже симпатичных сестер Прайс – владелиц бакалейной лавки на другом конце деревенской улицы. Они также не имели ничего против визита сердобольной миссис Фрай, жены местного доктора. Но если принять всех этих соседей, пришлось бы позвать и мисс Мартиноу, а она, уж если переступит порог, не уйдет ни утром, ни днем, ни вечером.

Бедной Джесмин, может, и хотелось бы выплакать свое горе на доброй материнской груди миссис Фрай. Примроз было бы интересно побеседовать с сестрами Прайс: они были очень религиозны, а их брат был священником. Быть может, они нашли бы слова, чтобы утешить бедных девочек в их горе. Маленькая Дэйзи могла бы задавать свои бесконечные вопросы Поппи Дженкинс, да и старшим стало бы легче от сочувственных визитов соседей, если бы... это сочувствие не исходило также и от мисс Мартиноу. Но мисс Мартиноу – за завтраком, обедом и чаем, с ее бесконечными советами и наставительным тоном казалась им невыносимой. Она искренно любила девочек Мэйнуеринг, которых учила игре на фортепьяно (надо заметить, учила неправильно) и такому французскому, который был непонятен парижанам. Однако настолько раздражала всех трех сестер, что они предпочли закрыть двери своего дома для нее и остальных соседей на весь первый месяц после смерти матери.

Глава III. Мисс Мартиноу

Примроз была гостеприимна. Решив пригласить мисс Мартиноу, она постаралась принять как можно лучше это угловатое, добродушное и нередко голодное создание. Готовила Примроз прекрасно. После обеда она обратилась к сестрам в своей обычной, немного медлительной манере:

– Я хочу сделать к чаю пирожные с кремом. Джесмин, дорогая, поставь свежие цветы в вазы. А ты, Дэйзи... – она помолчала, глядя на сестренку. Дэйзи была бледна, пухлые губки печально сжаты, голубые глаза устремлены на нее. – А ты, Дэйзи, пойди в сад и поиграй с Пинк.

Пинк была любимым котенком Дэйзи.

Дэйзи засмеялась. Джесмин стала оживленно возиться с цветами, а Примроз, чувствуя, что поступила правильно, направилась в кухню посоветоваться с Ханной, их старой няней, насчет пирожных с кремом.

В результате всего этого, когда мисс Мартиноу ровно в четыре (в Розбери все были пунктуальны) переступила порог дома Мэйнуерингов, ничто не выдавало тяжелого горя, постигшего его обитателей: шторы были подняты не совсем доверху (это было бы некрасиво, а у Джесмин был отменный художественный вкус), но ровно настолько, чтобы пропускать довольно света; белые муслиновые занавески изящно задрапированы; в эркере красовались вазы со свежими цветами, а канарейка в клетке, подвешенной в верхней части эркера, весело чирикала, освещенная лучами солнца.

Мисс Мартиноу была особой старомодной, и вид эркера с канарейкой ей не понравился еще с улицы. Она утешилась, однако, той мыслью, что даже в доме, где случилась беда, шторы следует иногда поднимать и что бедные милые девочки пребывают в состоянии неподдельного горя.

– Добрый вечер, Ханна, – сказала она, когда старая няня открыла ей двери, – у вас такое ужасное горе. Я надеюсь, – она сделала паузу, – юные леди ведут себя спокойно?

– О да, мисс, – отвечала Ханна, – войдите, пожалуйста, мисс Мартиноу, прошу сюда. Юные леди надеются, что вы выпьете с ними чашечку чая, мисс.

В следующее мгновение мисс Мартиноу очутилась в одной из самых уютных гостиных в Розбери. Эта комната всегда была прелестной – обставленной изысканной дорогой мебелью, приобретенной миссис Мэйнуеринг в ее лучшие времена. Сейчас она была убрана цветами, и заходящее солнце заливало комнату через широкое эркерное окно. Три девочки в скромных черных платьях вышли встретить ее. В душе они были взволнованы и потрясены горем, но старались скрыть свое состояние и казаться веселыми. Мисс Мартиноу была шокирована тем, что ее целый месяц не пускали в дом, а теперь принимают таким образом: комната залита светом, нет крепа на платьях, повсюду расставлены цветы, Джесмин весела, кудри вьются, как раньше...

Мисс Мартиноу хотелось приласкать Джесмин, которая держалась за руку Примроз, и посадить к себе на колени Дэйзи. У мисс Мартиноу было доброе сердце, и ей очень хотелось сделать что-нибудь для этих детей, которых она искренно любила, но, как большинство добрых людей, она это «что-нибудь» понимала по-своему. Она начала было произносить сочувственную речь, но Джесмин прервала ее:

– Садитесь и давайте выпьем чаю, – сказала она. – Примроз испекла вкусные пирожные, а мы все так голодны, правда, Глазастик? – и она повернулась к младшей сестренке.

– О да, – ответила Дэйзи, – и Пинк голодна. Я за ней гонялась, и мы пятьдесят раз обежали сад, и она жутко хочет есть. Можно, я положу немного крема в ее блюдце, Примроз?

Примроз кивнула, взяла мисс Мартиноу под руку и провела на почетное место за столом, а сама села рядом и принялась разливать ароматный чай.

От вида вкусных пирожных и чая мисс Мартиноу немного успокоилась. Она сняла перчатки и вуаль, поправила ленты чепчика и приготовилась насладиться едой. Вместо банальных соболезнований она болтала с сестрами о всяких разностях. Джесмин не забывала подкладывать ей самые лучшие пирожные. Примроз вновь и вновь подливала чай в ее чашку. Мисс Мартиноу была бедна и очень бережлива: ей подумалось, что после такого великолепного чая вполне можно обойтись и без ужина. Эта мысль привела ее в отличное расположение духа.

Когда чаепитие подошло к концу, Примроз усадила гостью в удобное кресло у окна.

– Дорогая, – сказала мисс Мартиноу, – правильно ли это – сидеть здесь на виду у всей улицы? Если мой чепчик может видеть любой прохожий, то каждый из них может окликнуть вас, мои хорошие.

– Амы и хотим теперь видеть всех, – ответила за сестру Джесмин. – Не правда ли, Примроз?

– Да, – заговорила Примроз в своей мягкой манере, – мы не станем меньше думать о дорогой мамочке, если начнем встречаться с людьми. Поэтому мы решили выходить почаще.

– Вы могли бы пригласить меня раньше, дорогие мои. Я так сочувствую вашему горю. Оно не выходит у меня из головы. Я была так огорчена вашим отказом принять меня, потому что во всех отношениях я могла бы заменить вам мать.

– Пожалуйста, не надо, – вырвалось у Джесмин.

– У нас *не может быть* другой мамы, – сказала маленькая Дэйзи, тесно прижимаясь к Примроз и заглядывая в глаза любимой сестры.

Примроз наклонилась и поцеловала ее.

– Беги в сад, дорогая, и возьми с собой Пинк, – сказала она.

Прежде чем покинуть дом, мисс Мартиноу намеревалась высказать девочкам Мэйнуеринг все, что было у нее на уме. Такая уж у доброй леди была привычка – высказывать все, что хотелось, младшему поколению обитателей Розбери. Кто, как не она, имел на это право? Разве не она была учительницей большинства из них? Разве не она учила их лучшему из того, что знала во французском языке и в музыке? И разве не она была лучшим наставником для Джесмин и Дэйзи? Примроз она считала своей *бывшей* ученицей. Без сомнения, девочки, хотя и не принимали ее целый месяц, теперь относятся к ней с полным доверием. Мисс Мартиноу было удобно в кресле, в которое усадила ее Примроз, и она сказала своим высоким, тонким голосом:

– А теперь, дорогие, сядьте ко мне поближе, но не слишком, чтобы не помять мое воскресное шелковое платье. Я хочу поговорить с вами о важном деле. Вопрос серьезный и требует обсуждения. Хорошо, что ты отправила Дэйзи в сад, Примроз, она слишком мала, чтобы участвовать в обсуждении. Я хочу, дорогие, как я это делала, когда была вашей учительницей, разделить нашу беседу на две части: первая – это ужасная потеря, которую вам пришлось пережить. Мы поговорим о ней и вместе поплачем; это придаст вам мужества и утешит ваши юные сердца. Джесмин, дорогая, почему ты так покраснела? Вторая проблема, которую мы должны обсудить, не менее важная: как вы собираетесь дальше жить, мои дорогие девочки?

Здесь мисс Мартиноу сделала паузу, сняла очки, протерла и снова водрузила их на нос. Ради девочек Мэйнуеринг, которых она искренно любила, она была готова участвовать в выполнении своего плана. Но Джесмин еще гуще покраснела.

– Пожалуйста, мисс Мартиноу... Примроз, я должна сказать. Мы не можем обсуждать с вами дорогую мамочку. Тут нечего обсуждать. Примроз, я не хочу ни слушать, ни говорить об этом.

Мисс Мартиноу затрясла головой и сердито взглянула на Джесмин:

– Не о чем говорить? – произнесла она с болью. – Разве ваша бедная, милая мама так скоро забыта? Я не могу в это поверить. Увы, увы! Так-то дети ценят своих родителей.

– Вы никогда не были матерью, что вы об этом знаете? – Джесмин произнесла это грубо и зло.

Примроз спокойно сказала:

– Я думаю, мисс Мартиноу, что обсуждение первой темы ни Джесмин, ни я сейчас вынести не сможем. Вы должны простить нас, даже если вы нас не понимаете. Дело не в забвении – наша мама никогда не будет забыта. Дело в том, что мы не можем говорить на эту тему. Вам придется позволить нам самим судить себя за это, – заключила Примроз с присущим ей достоинством.

При всем своем исключительном самообладании, терпеливости и простоте манер, Примроз, когда хотела, могла держать себя как принцесса. Мисс Мартиноу, которая сильно рассердилась на Джесмин, подчинилась.

– Что ж, – сказала она с легкой обидой в голосе, – я пришла сюда с самыми добрыми чувствами. Они отвергнуты, и я унесу их в своем сердце. Я не таю обиды.

– Будем обсуждать вторую тему, дорогая мисс Мартиноу? Вы – человек разумный и опытный. Вы знаете, как лучше распорядиться деньгами. Вы спрашиваете о наших планах, но у нас их нет, ведь так, Джесмин?

– Нет, – подтвердила Джесмин, – и мы будем жить так, как жили раньше. Почему нас не оставят в покое?

Мисс Мартиноу откашлялась, посмотрела с сожалением на Джесмин, которую решила игнорировать как избалованного ребенка, и обратила все свое внимание на Примроз.

– Моя дорогая, – сказала она, – оставим первую тему и перейдем ко второй. Дорогая Примроз, главное, из чего вы должны исходить в ваших планах, – *на что* вы будете жить?

Примроз нахмурилась.

– Я полагаю, – медленно произнесла она, – у нас будет то, что было всегда. Раньше мы тратили очень мало и, конечно, будем тратить еще меньше. Мы очень любим Розбери. Я думаю, Джесмин права: мы останемся здесь.

Мисс Мартиноу снова кашлянула и сказала:

– Милая моя девочка, даже здесь нужны деньги на житье. Знаете ли вы, что пенсия вашей мамы как вдовы капитана отменяется с ее смертью? Я думаю, что-то положено вам как сиротам, но сколько – не имею понятия.

– Мама получала по десять фунтов на каждую из нас ежегодно, – сказала Примроз.

– Да, дорогая. Будем верить и надеяться, что эта маленькая сумма сохранится за вами. Но даже в Розбери вы, три девочки, не сможете прожить на тридцать фунтов в год.

– Но есть еще деньги в банке, – вмешалась Джесмин более заинтересованным тоном. – Помнишь, Примроз, когда маме нужны были деньги, она выписывала чек, и мы несли его мистеру Дэйнсфилду, а он давал нам за этот чек блестящие золотые монеты. Иногда десять фунтов, иногда – пять, а то – только два, но каждый раз, как мы приносили мистеру Дэйнсфилду чек, он давал нам деньги. Наверно, Примроз, тебе надо приобрести чековую книжку, чтобы мистер Дэйнсфилд мог давать нам деньги.

– Да, – Примроз обрадовалась, – я забыла о деньгах в банке. Мама часто говорила мне о них. Даже если нам не хватит тридцати фунтов в год, мы всегда сможем взять деньги милой мамочки из банка.

Лицо мисс Мартиноу вытянулось и стало озабоченным.

– Дорогие мои, – сказала она, – боюсь, я скажу жестокие слова, но все же я должна сказать их. Дело в том, что мистер Дэйнсфилд – мой старый друг, и я взяла на себя смелость спросить его, каково состояние счета вашей мамы в банке. И он сказал, мои девочки, мои бедные девочки, что там не более двухсот фунтов.

Глава IV. Путь к спасению

Мисс Мартиноу объявила свою новость с большим волнением. Ей показалось ужасным, что три девочки Мэйнуеринг, совсем еще дети, брошены в мир без поддержки родственников, которых у них не было, и без средств к существованию.

Живя в Розбери просто и спокойно, они были воспитаны в доброй и приветливой обстановке. Ни одного холодного взгляда, ни единого пренебрежительного слова не коснулось их. Они всегда были окружены любовью и уважением. Любовь исходила, в основном, от матери и ее окружения, а уважение – от всех, кто их знал. Сестры Мэйнуеринг в своих простых платьях и со своими сдержанными, искренними манерами выглядели и вели себя как леди.

Вскоре после столь серьезного сообщения мисс Мартиноу удалилась. Она поспешила домой и, усевшись в своей маленькой, неказистой гостиной, стала думать.

– Нет, спасибо, Сьюзен, – сказала она своей служанке, – я не буду сегодня ужинать. Я пила чай у моих любимых учениц, мисс Мэйнуеринг. Принесите, пожалуйста, лампу, Сьюзен, но не сейчас, а минут через пятнадцать. Я пока могу вязать при дневном свете, жалко его упускать. Дайте, пожалуйста, мою корзинку. Я начала вязать варежки для вдовы Джозефа.

– Простите, мэм, – Сьюзен на мгновение задержалась в дверях, – могу я спросить, как обстоят дела у юных леди?

– В общем, спокойно, Сьюзен. Могу сказать по секрету: мои милые ученицы смирились с постигшей их бедой.

Сьюзен закрыла за собой дверь, и мисс Мартиноу принялась вязать. Вязание варежек – занятие, располагающее к раздумью. В то время как привычные пальцы старой леди быстро двигались, ее мысли были заняты другим.

– Тридцать фунтов в год, – шептала она про себя, – тридцать фунтов плюс какая-то часть от двухсот фунтов в банке. Что-то из этой суммы они, конечно, потратили на похороны матери и на свой траур. Потратили, наверно, фунтов тридцать, а то и сорок. Стало быть, в банке осталось всего сто шестьдесят фунтов. Их надо оставить на непредвиденные обстоятельства, болезни и прочее. Милые мои девочки, хорошие мои Примроз, и Джесмин, и прелестная маленькая Дэйзи, вам нельзя трогать ваш маленький капитал. Тогда вы получите хоть несколько фунтов процентов в год. А может быть, и их нельзя брать. Это мистер Дэйнсфилд должен решить. Так что единственные ваши деньги – это тридцать фунтов в год, а на них не проживешь.

Тут мисс Мартиноу отбросила свое вязанье и принялась в большом волнении ходить взад и вперед по крошечной гостиной.

– Что можно сделать для этих одиноких и незащищенных детей? Как вступят они в мир? Как могут заработать на жизнь?

Никогда прежде мисс Мартиноу не переживала так остро чужие проблемы. Но хотя она засиделась далеко за полночь, что-то записывая и прикидывая минимальную сумму, на которую можно прожить вдвоем, однако так и отправилась спать, не найдя решения мучившего ее вопроса.

К сожалению, знаний мисс Мартиноу не хватило бы и на то, чтобы даже старшую из сестер, Примроз, научить зарабатывать деньги, если, конечно, исключить тяжелый физический труд. Джесмин была всего лишь взбалмошным подростком, а Дэйзи – просто малым ребенком.

Мисс Мартиноу плохо спалось в ту ночь. Ей снились кошмары, но утром она проснулась ободренной и полной решимости действовать.

«Софи Мартиноу, – сказала она себе (одинокие люди часто беседуют сами с собой), – эти дети, выражаясь фигурально, положены у твоего порога, и ты должна их принять. Ты не

можешь подарить им деньги, но ты можешь сделать больше: призвать других на помощь нуждающимся. Это твой долг, посланный тебе Богом, и ты исполнишь его немедленно».

Она живо спустилась с лестницы, съела обычный скудный завтрак и приступила к выполнению своего плана.

План был простой.

В Розбери не было людей, которые слишком уж заботились о своем образовании. Никто из младшего поколения не перетруждал себя учебой. Без угрызений совести мисс Мартиноу написала записки всем своим ученикам, чтобы они не приходили на урок сегодня утром, потому что она решила дать им выходной.

Отправив Сьюзен с записками, она поднялась наверх, снова надела черное шелковое платье, старомодную пелерину и чепчик в форме чемодана. Облачившись во все это, она отправилась в экспедицию, которая, как она верила, приведет ко многим счастливым событиям в жизни сестер Мэйнуеринг.

Глава V. Содержимое конторки

Тревога, которую ощущала мисс Мартиноу, несомненно, касалась всех сестер Мэйнуэринг. Примроз была по природе практичной. Она умела хорошо вести домашнее хозяйство. Ни один пекарь или мясник в Розбери и не мечтал обмануть эту ясноглазую юную леди. Никто не умел так экономить полкроны⁴ или даже шиллинг⁵, как она, и никто не умел так перешить старое платье, чтобы оно казалось новым. Но на этом ее опыт и кончался. Примроз экономно и бережливо вела хозяйство матери, но она никогда не несла бремя ответственности. Перед ней ни разу не вставала тяжкая необходимость самой зарабатывать деньги. Слова мисс Мартиноу заставили ее призадуматься, но не слишком встревожили. Если они с сестрами не смогут прожить на тридцать фунтов в год, то есть еще деньги в банке.

Примроз решила, что двести фунтов – хоть и небольшая, но все-таки солидная сумма. Единственный вывод, который она сделала из слов старой учительницы, это то, что надо быть еще немного экономнее.

Джесмин никогда не одобряла бережливости старшей сестры. Она громко запротестовала, когда на следующее утро Примроз объявила, что они обойдутся без новых черных платьев из хлопка, которые как раз собирались купить.

– Какая глупость! – заявила Джесмин, нетерпеливо топнув своей маленькой ножкой. – Ты же знаешь, что эти платья нам нужны. Бедная Дэйзи не может прыгать и играть в саду в своей черной кашемировой рясе, а я не могу возиться в земле и полоть. Мы же решили жить как всегда, как если бы мама была... – Здесь Джесмин остановилась, подавила рыдание и поспешно продолжила: – Мы не можем обойтись без ситцевых платьев, Примроз. Ты просто испугана тем, что сказала мисс Мартиноу.

– Я совсем не испугана, – спокойно возразила Примроз, – только мне кажется, что мы должны быть экономнее.

– Но мы так богаты, – возразила Джесмин. – Я и не думала, что у нас есть двести фунтов в банке. Это же куча денег. Почему ты так удручена, Примроз?

– Мисс Мартиноу считает, – молвила Примроз тихим голосом, – что это очень маленькая сумма. Она выглядела такой мрачной, когда говорила об этих деньгах, так была опечалена. Знаешь, Джесмин, я думаю, мисс Мартиноу действительно любит нас.

– Возможно, – произнесла Джесмин безразличным тоном. – Ладно, Роз, если ты твердо решила, что мы будем жить экономно и ходить оборванными, мы с Дэйзи будем играть в саду и в этих платьях.

Джесмин чмокнула старшую сестру в лоб и выбежала из комнаты. Через минуту-другую Примроз услышала смеющиеся голоса, которые доносились в открытое окно. Всем сердцем она порадовалась, что сестры стали жить, как и раньше, и все же их смех причинил ей острую боль.

Коттедж семьи Мэйнуэринг был крошечным. Нижний этаж состоял из одной длинной низкой комнаты с эркером в дальнем конце. Эту комнату хозяева называли гостиной. Она была обставлена с утонченным вкусом. Напротив эркера, на другом конце комнаты находилась стеклянная дверь, выходившая прямо в сад. В конце узкого холла располагалась кухня, окно которой также смотрело в сад. Ханна, единственная прислуга в доме, часто ворчала по поводу такого расположения. Она весьма убедительно объясняла свое недовольство, утверждая, что дом более приспособлен для растений, чем для людей. Но хотя Ханна считала свою маленькую кухню тоскливой и скучной, а за долгие годы жизни у Мэйнуэрингов ни разу не порадовалась

⁴ Крона – английская монета, равная 60 пенсам.

⁵ Шиллинг – английская монета, равная 12 пенсам.

красивым видам из окон, к девочкам она была искренне привязана и заботилась о них от всей души.

Наверху были две спальни. Одна выходила окнами на улицу. Там спали девочки. Самую лучшую спальню с окном в сад занимала миссис Мэйнуеринг. Ханна жила в маленьком, похожем на мансарду, помещении над кухней.

Когда Джесмин выбежала в сад, Примроз медленно встала и поднялась наверх. Ей пришлось в голову, что настал момент сделать то, чего она так страшилась.

Со дня смерти матери, с того момента, когда три сестры, положив цветы, склонились над гробом той, которую они так любили, они не переступали порога ее комнаты.

Ханна вытирала в комнате пыль и поддерживала чистоту, но окно было зашторено, и ни один луч солнца не проникал внутрь. У девочек не хватало духу войти в эту комнату. Они боялись ее, как могилы. С благоговением, на цыпочках проходили они мимо запертой двери.

Теперь Примроз, не боясь, что ее отвлекут, могла войти в комнату матери и побыть там некоторое время в одиночестве. Отперев дверь, она вошла. Ее бил озноб. Будь на ее месте Джесмин, она бы повернулась и убежала, но здесь была Примроз, и она делала то, что подсказывало ей чувство долга и безошибочное чутье.

– Мы решили жить как всегда, и дневной, солнечный свет не должен забывать нашу мамочку.

Она подняла шторы и широко распахнула окно.

Дыхание теплого, мягкого воздуха из сада тотчас наполнило мрачную комнату. Примроз, сидя перед маленькой старомодной конторкой, вставила ключ в замок центрального ящика и открыла его.

Миссис Мэйнуеринг ни в коей мере нельзя было назвать аккуратной и педантичной особой. Она ненавидела замки и питала отвращение к аккуратным стопкам белья в ящиках или на полках шкафов. И только эта маленькая конторка, принадлежавшая когда-то ее мужу, была исключением из общего правила.

Миссис Мэйнуеринг никому, даже Примроз, не давала ключи от конторки. В присутствии девочек она была заперта. Даже Дэйзи не удавалось уговорить мать показать ей содержимое одного из соблазнительных маленьких ящичков. «Там только сувениры, мои дорогие», – обычно говорила мать, но дочери знали, что нередко по ночам она открывала ящики и, как правило, на следующий день была печальнее, чем обычно.

На крышке конторки всегда стоял миниатюрный портрет капитана Мэйнуеринга. Девочки имели обыкновение ставить в вазу около портрета самые красивые цветы.

Когда миссис Мэйнуеринг умерла, Джесмин однажды почти всю ночь проплакала из-за этой маленькой конторки. Она была уверена, что никто теперь не осмелится открыть ее. «Мне больно думать, что никто никогда не увидит этих сувениров, – рыдала она. – Это жестоко по отношению к ним».

Тогда Примроз пообещала себе проникнуть в эту тайну. И вот час настал.

Примроз отнюдь не была нервной девушкой. Когда мягкий летний воздух наполнил комнату и выгнал дух одиночества и уныния, она приступила к решению своей задачи. Решив методично обследовать всю конторку, Примроз начала с большого центрального ящика. Открыв его, она очень удивилась – он был почти пуст. Там лежали несколько листов, исписанных материнским почерком – стихи, цитаты из книг и проповедей. Рядом лежал пакет, заботливо завернутый в мягкую белую бумагу. Больше ничего не было. Примроз достала пакет. Она вполне владела собой, но, когда дотронулась до свертка, ее пальцы слегка дрожали. Белой сатиновой лентой к пакету был прикреплен листок бумаги, на котором значилось: «Маленькая шкатулка Артура – теперь для Примроз».

Сердце ее забилося, и кровь прилила к щекам. Кто этот Артур? Она никогда не слышала о нем. Отца звали Джон. Кто же этот неизвестный Артур, чья шкатулка теперь предназначалась ей?

Медленно, дрожащими пальцами она развязала ленту. Шкатулка оказалась дешевенькой, выщербленной, испачканной чернилами. Но внутри лежало сокровище: увесистый конверт с надписью материнской рукой «Для Примроз».

Неожиданное послание от той, кого уже нет, вызвало у Примроз сильнейшее нервное потрясение. Уронив голову на конторку, она горько заплакала.

Неизвестно, сколько времени просидела Примроз в комнате матери, обливаясь слезами. Внезапно ее уединение было прервано. Совсем рядом раздался голос Ханны:

– Боже, боже! Мисс Примроз, не могу видеть, как вы терзаетесь и дрожите. Ваша бедная мама знала, что делала, когда держала эту конторку на замке. Прости меня, Господи, лучше бы она выбросила эти камушки, которые она здесь держала. А теперь, дорогая, не губите свои ясные глазки плачем над тем, что умерло и никогда не оживет, никогда. Закройте конторку, мисс Примроз, приведите в порядок волосы и ступайте в гостиную. Вас хочет видеть миссис Элсуорси из Шортландса по важному делу.

Глава VI. Много визитеров

План мисс Мартиноу отличался прямоотой, и, настроившись на его выполнение, она не откладывала дела в долгий ящик. Девочки нуждаются в помощи. Она может дать им только совет, но другие могут сделать больше. Мисс Мартиноу решила обратиться к единственной богатой особе, жившей по соседству с Розбери. Шортландс был большим поместьем, а муж и жена Элсуорси – без сомнения, важными людьми. Они были очень богаты, считали себя титулованными особами и, по мнению обитателей Розбери, жили с королевским размахом.

Мисс Мартиноу однажды провела блаженную неделю в Шортландсе. Она была приглашена, чтобы заменить на время заболевшую гувернантку. Увы, ее французский ни в коей мере не годился для такого дома, а музыка и вовсе произвела удручающее впечатление. Короче говоря, бедную старую леди почти что выгнали. Но что из того? Зато, вернувшись домой, она могла бесконечно рассказывать своим друзьям о напудренных лакеях, нарядных дамах из Лондона, о стиле жизни, которую ее слушатели сочли сущим раем.

За неделю ее пребывания в замке миссис Элсуорси заговорила с ней только дважды. Но это было неважно. С этого дня она считала себя знакомой с этой знатной леди. Когда мисс Мартиноу была воодушевлена, она могла совершить героический поступок. И с ее стороны было подлинным героизмом решиться атаковать эту цитадель, но именно это и произошло в тот памятный день, в одиннадцать часов утра.

Отчаянная смелость ее поступка оправдывалась высокой целью. Лакей, открывший перед ней двери, при всем его высокомерии обязан был доложить о ней, и миссис Элсуорси с радушной, доброй улыбкой согласилась ее принять.

Их беседа была краткой, но мисс Мартиноу, едва высказав суть своей просьбы, совершенно забыла, что она бедна, а ее собеседница богата. Миссис Элсуорси также, после нескольких взглядов в худое и серьезное лицо учительницы, перестала замечать ее допотопный чепчик чемоданом и несуразное, короткое, старомодное пальто.

Обе собеседницы были настоящими женщинами, с самоотверженными, добрыми сердцами, и тема беседы поглотила их. Миссис Элсуорси вселила в душу учительницы надежду.

Никогда раньше жители деревни Розбери, расположенной неподалеку от роскошного поместья, не обращались к его хозяйке с какими-либо просьбами. Поэтому, когда на следующий день ее карета с великолепными лошадьми остановилась у дверей дома Мэйнуэрингов, вся деревня взволновалась.

Поппи Дженкинс, хорошенькая дочка прачки, вышла на улицу и уставилась во все глаза на знатную даму. Жена доктора, которая жила на другой стороне улицы, украдкой завистливо наблюдала сквозь муслиновые занавески. Пекарь и мясник забыли про утренние заказы, а Ханна, служанка Мэйнуэрингов, как она потом выразилась, дрожала от головы до пальцев ног.

– Позвольте мне причесать ваши волосы, мисс Примроз, – попросила она, когда ей наконец удалось уговорить Примроз перестать плакать. – Ваши руки в порядке, мисс Примроз? А воротничок чистый? Это большая честь – визит миссис Элсуорси.

– Интересно, зачем она приехала? – спросила Примроз. – Она не была знакома с мамой.

В этот тяжелый для нее момент Примроз ощущала визит знатной леди как нежеланное вторжение.

– Я сейчас побегу в сад, – заторопилась Ханна, – а то мисс Джесмин и мисс Дэйзи ворвутся в гостиную и устроят беспорядок. О боже, их же видно через французское окно!

Ханна поспешила прочь, надеясь загнать в дом этих резвых овечек через кухню, вдали от посторонних глаз.

Увы! Она опоздала. Когда Примроз, стройная и грациозная, с ясными, только чуть покрасневшими от слез глазами, вошла в гостиную, она увидела, что двери в сад открыты

настежь, а ее гостя спокойно прогуливается по саду, держа на руках Пинк, в то время как Дэйзи пританцовывает перед ней, а Джесмин, без умолку болтая, идет сбоку.

– Я так рада, что вам понравились гвоздики, – щебетала Джесмин, – мама их очень любила. Хотите, я дам вам несколько черенков? Я с удовольствием.

– Если у Пинк будет когда-нибудь котенок, он будет ваш, – заявила Дэйзи торжественно. В этот момент Примроз присоединилась к сестрам.

– О, Примроз, случилось нечто замечательное... – начала Джесмин.

– Она считает, что Пинк изумительно красивая. Она хочет такого же котенка, – вывалось у Дэйзи.

Миссис Элсуорси, все еще держа одной рукой Пинк, другую протянула Примроз.

– Я познакомилась с вашими сестрами, милая мисс Мэйнуеринг. Я – миссис Элсуорси, из Шортландса, ваша близкая соседка. Не сочтите мой визит за вторжение.

Прежде чем Примроз смогла ответить, Джесмин выпалила:

– Конечно, не сочтем. Вы такая милая. Нам было так ужасно грустно. Мисс Мартиноу сказала, все теперь только и будут говорить, что вы побывали у нас. Мы не хотим никого видеть, но вы – другое дело.

– Вы – замечательная, – вторила ей Дэйзи.

Примроз почувствовала себя неловко.

— Девочки, перестаньте болтать, — сказала она. — Миссис Элсуорси, я надеюсь, вы простите моих сестер. Не хотите ли пройти в гостиную?

– Я очарована вашими сестрами, – отвечала знатная леди. – Они так естественны, непосредственны и оригинальны. Дорогая мисс Мэйнуеринг, зачем уходить из этого прелестного сада? Не могли бы мы побеседовать здесь?

– С удовольствием, – ответила Примроз, но ее скованность не исчезла.

В глубине души ей все еще было неприятно, что миссис Элсуорси никогда не пыталась познакомиться с дорогой мамочкой.

Миссис Элсуорси была мудрой женщиной, она с первого взгляда распознала характер Примроз. Она поняла, что девочки – настоящие леди и в этом смысле не нуждаются в наставлениях. Когда она заверяла мисс Мартиноу, что обязательно поможет бедным юным сестрам Мэйнуеринг, эта задача казалась ей нетрудной. Приказав подать карету и приехав в Розбери, она намеревалась прямо и открыто предложить девочкам практические советы и, если нужно, материальную помощь. Старшую девочку, если она достаточно привлекательна, можно устроить гувернанткой или компаньонкой, а двух младших – в школу для детей-сирот, чьи отцы были военными.

Но в саду, хотя это был маленький, запущенный садик, задача показалась ей не такой уж легкой. Джесмин и Дэйзи были очаровательными детьми. Они сразу стали обращаться к ней, как к доброй приятельнице. Они ничего не знали о ее богатстве и положении в обществе. Слово «Шортландс» ничего не говорило их неискушенному сознанию. Они были уверены, что миссис Элсуорси восхищается их гвоздиками и что она будет счастлива заполучить котенка, похожего на Пинк. Примроз, в отличие от сестер, была горда, застенчива и далека от того, чтобы обращаться к незнакомке доверительным тоном.

Миссис Элсуорси оказалась в непривычном положении. Она пригласила сестер посетить ее в Шортландсе, и Примроз, прочитав в голубых глазах Дэйзи страстное желание, ответила просто:

– Спасибо, с большим удовольствием.

«Мне будет легче поговорить с ними у себя дома, – подумала миссис Элсуорси. – Нелепо отступать перед тремя девочками, но я все поставлю на места, когда они приедут в Шортландс».

Вслух она сказала:

– Мои дорогие, я буду очень рада вашему визиту. Не могли бы вы приехать завтра? Завтра я буду одна.

– Примроз, – вырвалось у Дэйзи, – там есть ньюфаундленд, мастифф и два английских терьера. Ньюфаундленд – черный и лохматый, а мастифф – рыжий, как лев.

– Вы покажете нам ваши прекрасные оранжереи, правда? – спросила Джесмин. – Примроз, она рассказала нам о своих цветах. Наверно, они чудесные.

– Я покажу вам все, что захотите, – ответила миссис Элсуорси и, наклонившись, поцеловала взволнованную Джесмин. – Вы привезете ко мне сестер завтра, мисс Мэйнуеринг? – продолжала она, повернувшись к мрачной Примроз.

– Да, благодарю вас. Вы так добры, что приглашаете нас, – ответила Примроз.

Миссис Элсуорси уселась в карету, и сестры глядели на нее со ступеней крыльца. Они очаровательно смотрелись, стоя вот так, втроем. Дэйзи обняла старшую сестру за талию. Джесмин заслонила глаза от яркого солнца белоснежной ручкой с ямочкой у локтя.

Когда знатная леди отъехала, Джесмин набралась храбрости и послала ей вслед воздушный поцелуй. Соседи с противоположной стороны улицы были шокированы и решили, что после такого нахальства бедняжки наверняка больше не увидят миссис Элсуорси. Но леди из Шортландса была очарована.

«Подумать только, я жила здесь все эти годы и не знала этих прелестных созданий», – подумала она. И тут она увидела мисс Мартиноу, которая переходила улицу. Миссис Элсуорси приказала кучеру остановиться.

– Я посетила их, любезная мисс Мартиноу. Они прелестны, такие свежие и хорошенькие! Они приедут ко мне завтра. Теплое утро, не правда ли? До свидания. Трогайте, Томлинсон.

Девочки вернулись в дом, ободренные визитом миссис Элсуорси. Примроз, правда, не разделяла восторга младших сестер, но и ей понравилась гостья, которая, как призналась себе Примроз, сильно отличалась от обитателей Розбери.

Однако мысли ее были поглощены тем, что она нашла в конторке матери. Письмо, адресованное ей, лежало пока запечатанным. Она не торопилась взломать печать и прочесть это послание из царства мертвых, поскольку знала, что может сделать это в любое время. Надо только убедиться, что ее уединения никто не нарушит. Она надеялась после обеда незаметно проскользнуть в беседку за домом и там спокойно прочесть письмо и обдумать его содержание.

Однако обстоятельства помешали осуществлению этого плана.

Сразу после обеда раздался хорошо знакомый стук в дверь, и мисс Мартиноу, стора от волнения и любопытства, ворвалась в гостиную.

– Ну, мои дорогие, расскажите мне все о ней. Разве она не изумительна? Вы ей очень понравились, все трое произвели хорошее впечатление. И вас пригласили провести завтрашний день в Шортландсе. Теперь, мои милые, расскажите, о чем вы с ней говорили? Мне это чрезвычайно интересно, бедные мои девочки.

Говоря все это, мисс Мартиноу не сводила глаз с Примроз, но девушка посмотрела на нее несколько удивленно и после короткой паузы произнесла:

– Я вас не понимаю. Мы ни о чем особенном не говорили. Миссис Элсуорси была очень мила и дружелюбна; пригласила нас в Шортландс. И мы собираемся поехать. Мисс Мартиноу, я немного занята сегодня. Вы меня извините, если я вас оставлю?

С этими словами Примроз вышла, а мисс Мартиноу обратилась к Джесмин, в волнении всплеснув руками:

– О, дорогая! – воскликнула она. – Я так надеюсь, что Примроз не испортила все дело холодностью, которой от нее веет. Я огорчена, но обязана сказать вам вот что: теперь все зависит от вашего визита. Вы с Дэйзи должны хорошо себя вести. Вы ведь никогда не были в таком доме, как Шортландс. Будет правильно, если я, ваша наставница, объясню вам, как следует себя вести. Не позволяйте себе лишних вольностей, дорогие мои, и не разговаривайте слишком много, громко и быстро. Вы должны быть благодарны, когда миссис Элсуорси заметит вас. О, мои бедняжки! Я очень взволнована, ведь так много зависит от завтрашнего дня.

Теперь настала очередь Джесмин удивиться и сказать:

– Я вас не понимаю.

А Дэйзи выпалила стремительно:

– Мы едем в Шортландс, чтобы там побегать вволю – это она так сказала. Еще она сказала, что мы увидим собак: черного лохматого ньюфаундленда и рыжего мастиффа. И у нее есть белые, как снег, персидские котята, только Пинк ей понравилась больше. А я ей пообещала, что если когда-нибудь у Пинк будет маленький котенок, – она его получит. Миссис Элсуорси ничего не сказала о том, что надо вести себя «прилично» и не смеет сказать слово. Я не поеду в Шортландс, если там надо вести себя подобным образом, не поеду! – заключила Дэйзи тоном избалованного ребенка и надула губы.

Джесмин поцеловала сестру и сказала:

– Ты можешь делать там все, что захочешь, милый, маленький Глазастик.

– О, мисс Мартиноу, – обратилась она к учительнице, – ей-богу, миссис Элсуорси совсем не такая, как вы ее изображаете. Я бы сказала, она из тех леди, кто любит детскую возню. Ей совсем не нравится чопорность в людях. Мы втроем очень славно проводили время, пока Примроз не спустилась. Я думаю, Примроз согласится с вами и одобрит чопорные манеры. Но миссис Элсуорси это нисколько не нравится. Мы так весело болтали, пока Примроз не пришла. Завтра она обещала показать мне все свои оранжереи, и ей очень понравились мои гвоздики. Я

обещала ей несколько черенков. О господи! Кто это там стучит в дверь? Дэйзи, беги, посмотри сквозь занавеску.

Дэйзи понеслась и тут же вернулась с сообщением, что мистер Дэйнсфилд, управляющий из банка, стоит на ступенях и что лицо у него очень красное.

Услышав эту новость, мисс Мартиноу тоже залилась густым румянцем и заволновалась. Ее чепчик в форме чемодана сбился немного назад. Ужасная мысль промелькнула в ее мозгу: «А вдруг мистер Дэйнсфилд принес известие о несчастье? Вдруг двести фунтов пропали? Вдруг банк прогорел?!»

Когда добрый джентльмен вошел в комнату, она посмотрела на него с ужасом и, пока он здоровался за руку с Джесмин и Дэйзи, быстро произнесла:

– Миссис Элсуорси склоняется к тому, чтобы взять их к себе. Они проведут завтрашний день в Шортландсе.

Мистер Дэйнсфилд поднял брови, уселся в кресло, притянул за руку Дэйзи и поставил ее между своих колен. Уставившись на мисс Мартиноу сквозь очки в золотой оправе, он сказал:

– Э-э! Шортландс – Элсуорси – достойные люди! – и засмеялся, довольный своим каламбуром⁶. – Конечно, мисс Мартиноу, без сомнения, великолепный шанс!

В этот момент в комнату вошла Примроз. Мисс Мартиноу посчитав, что присутствующие прекрасно поговорят и без нее, попрощавшись, удалилась.

Мистер Дэйнсфилд не стал засиживаться. Он знал Мэйнуэрингов, хотя и не очень близко, многие годы. Он был добрым, но очень занятым джентльменом, и, пока мать девочек была жива, едва ли их замечал.

Сегодня, однако, он наблюдал за ними с явным интересом. Обратившись к Примроз, он вызвался помочь ей в осуществлении одного важного дела:

– Наш добрый друг, мисс Мартиноу, уверяет, что вы находитесь в несколько затруднительных обстоятельствах, моя дорогая. Мне искренне жаль, но бывает и хуже, намного хуже. Здоровой девушке работа не повредит, совсем не повредит. Приходите ко мне за советом, если он вам нужен, и будьте уверены, – я ваш надежный друг. И, послушайте, мисс Примроз, я рад, что миссис Элсуорси готова помочь вам. Постарайтесь провести время в Шортландсе с максимальной пользой. На следующий день я с удовольствием загляну к вам. До свидания, до свидания.

После ухода мистера Дэйнсфилда две старшие сестры переглянулись. Что это все может значить? Почему все так странно изъясняются? Джесмин сказала, что, мол, просто оба они – мисс Мартиноу и мистер Дэйнсфилд – неприятные люди. Но Примроз, обдумав все происшедшее, встревожилась.

⁶ Уорси (worthy) – достойный (англ.).

Глава VII. Шортландс

– Нам нужно серьезно поговорить, – сказала в тот вечер миссис Элсуорси своему мужу. – Мы прожили несколько лет в Шортландсе, и, кроме слуг, я совсем ни с кем не общалась. Прости, милый Джозеф, – за исключением тебя. Мы живем здесь, ни с кем не поддерживая знакомства, а между тем совсем радом живут прелестнейшие создания.

Мистер Элсуорси был, по крайней мере, лет на двадцать старше своей жены – сдержанный, спокойный человек с вытянутым, меланхоличным лицом. Ее же – пухленькую, хорошенькую и кругленькую – многие называли «котенком».

Она очень выразительно произнесла свою тираду, потому что была в полном восторге от девочек, но ее муж только поднял брови и сказал равнодушно:

– И что же, Кэт?

Миссис Элсуорси встала и подвинула свое легкое кресло поближе к огню. Хотя погода была жаркой, она все равно велела ежедневно растапливать камин, поскольку любила смотреть на огонь, когда стемнеет.

Наслаждаясь созерцанием огня, она начала свой рассказ:

– Теперь, Джозеф, я поведаю тебе мою историю. Ты помнишь диковинного вида гувернантку, которая пробыла здесь всего неделю? Она учила Фрэнки, перед тем как мы отправили его в школу. Ты помнишь мисс Мартиноу, Джозеф?

– Ты говоришь про ту, которая придумала ему имя, моя дорогая? Так ведь она умерла перед тем, как мы переехали в Шортландс!

– Какой ты смешной, Джозеф! Я имею в виду допотопное существо из деревни. Однако не важно, помнишь ты ее или нет. Так вот, она пришла сюда сегодня утром и попросила меня принять участие в судьбе трех сирот, живущих в деревне, в маленьком домике. Она говорила о них с большой нежностью, сказала, что девочки, конечно, не получили образования и не очень, по ее мнению, способные, но совсем юные и очень хорошенькие. К тому же ужасающе бедные. Так или иначе, добрая старушка тронула мое сердце, и мне захотелось помочь им. Я приказала подать карету и поехала в деревню. Я ожидала, Джозеф, увидеть трех деревенских простушек, неловких и робких. Воображала их благодарность за то, что я их заметила, их подавленность. Признаюсь, я не так представляла себе жителей Розбери. Знаешь, дорогой, что я увидела?

– Мне трудно угадать, Кэт. Но по твоему взволнованному виду и воодушевлению могу предположить, что ты увидела трех юных леди.

– Джозеф, ты гений. Это действительно так. В забавнейшем и странном маленьком домике я нашла трех прелестных, хорошо воспитанных девочек. Две младшие тут же, в своем запущенном садике, сделали меня своей подругой. Можешь мне поверить, они приветствовали меня с самой очаровательной искренностью и простотой. Я назвалась им, но это не произвело на них ни малейшего впечатления. Одна из них, ее зовут Джесмин – восхитительное создание, – решила, что я умру, если не посажу у себя такие же гвоздики, как у нее. А младшая заверила, что у меня будет такой же котенок, какого она всунула мне в руки. Они были в поношенных платьицах, но глядя на них, совершенно не замечаешь, во что они одеты. Мы замечательно провели время и обнаружили, что у нас много общих интересов. Так, младшая разделяет мою любовь к животным, а средняя – к цветам. Тут появилась старшая сестра. Уверю тебя, Джозеф, это абсурдно, но это факт: она была близка к тому, чтобы сделать мне выговор. В ее красивых, ясных глазах я легко прочла вопрос: «Как вы, которая никогда не удостоивалась знакомством мою мать, могли вторгнуться к нам сейчас, после нашей утраты?» Она держалась в высшей степени вежливо и с достоинством. Я могла себе позволить вольничать с нею не больше, чем, например... с тобой, когда ты вздумалешь утверждать свой авторитет. После прихода мисс Мэйнуеринг я сочла за благо ретироваться. Но перед уходом взяла с них обещание

посетить меня завтра. Правда, Джозеф, у меня был удивительный день. Кстати, мисс Мартиноу что-то говорила о том, что этих детей надо устроить.

Мистер Элсуорси опять поднял брови.

– Я когда-то слышал фамилию Мэйнуеринг, но это было много лет тому назад. Это хорошая фамилия. Я знаю, Кэт, ты сделаешь все возможное для своих протеже. Рад, что ты нашла объект для своих забот так близко от дома.

Миссис Элсуорси встала и подошла к мужу.

– Джозеф, – сказала она, – прошу тебя быть завтра дома к ланчу. Я хочу, чтобы ты увидел моих девочек и посоветовал, как лучшим образом помочь им. Примроз так горда и так неопытна. Две младшие, конечно, не различают бедность и богатство. Они живут, как цветы, и оттого счастливы. Знаешь, Джозеф, старшей из них нет и восемнадцати, а младшей – только десять. У них нет абсолютно никаких связей, нет родственников и на всех троих – правительственная пенсия тридцать фунтов в год.

При этих словах большие синие глаза миссис Элсуорси наполнились слезами. Муж поцеловал ее и сказал:

– Я увижу завтра этих девочек, Кэт, и я рад, что ты их встретила.

Он ушел в библиотеку, где просидел за чтением и важными думами далеко за полночь. Скорее всего, в эти часы он забыл о сестрах Мэйнуеринг и об их бедах.

Миссис Элсуорси просила своих юных гостей приехать в полдень. Точно в это время все трое вошли в ее гостиную.

Дэйзи немедленно отметила этот факт:

– Церковные часы пробили двенадцать раз! – воскликнула она. – А где персидские котята?

– Я привезла вам все гвоздики, которые цветут. Понюхайте их. Правда, хорошо пахнут? Мама так их любила. Я никому не даю, только вам, – сказала Джесмин.

Миссис Элсуорси нежно поцеловала Джесмин и слегка пожала ей руку.

– Спасибо, моя дорогая, – сказала она. – Я оценила ваши прекрасные цветы. Поставьте их сами в эту янтарную вазу.

– Они ярко-малиновые и будут лучше смотреться в белом, – заметила Джесмин и подняла немного испуганные глаза. – Мне нравится подбирать цветы, чтобы они выглядели как на картине. Мама всегда разрешала мне составлять букеты, и Примроз будет разрешать.

Джесмин подошла к Примроз и взяла ее за руку. Старшая сестра улыбнулась ее возбуждению и сказала, глядя на миссис Элсуорси:

– В нашей семье Джесмин называют художницей.

– А также – поэтом. Она пишет стихи о Пинк и о нашем доме, – заметила Дэйзи и добавила с глубоким вздохом: – О боже! Я не вижу нигде персидских котят. Я надеюсь, то, что сказала мисс Мартиноу – неправда?

– Что же она сказала, моя дорогая? – спросила хозяйка Шортландса.

– О, столько чепухи. Что ваш дом такой важный, и мы должны сидеть на стульях и молчать, пока говорят вы, и не должны играть с персидскими котятами и смотреть на собак. Она сказала, что вы – очень знатная леди и все в таком же духе. Но мы не согласились с ней, не правда ли, Джесмин?

– Конечно, нет, – заявила Джесмин. – Мы же лучше знаем.

– Мы сказали, что вы – наша подруга, – продолжала Дэйзи. – Как будто вы – из нашего сада. Я бы не пришла сюда, если бы думала, что вы – из тех леди, которые хотят, чтобы девочки сидели на стульях. Прощу вас, скажите, что вы такая же, как мы!

В дверях послышался смех – это пришел мистер Элсуорси. Он приветствовал девочек с доброй улыбкой, и очень скоро выяснилось, что их отец был его старым и довольно близким

знакомым. Затем он предложил руку Примроз, а миссис Элсуорси взяла обеих младших за руки.

– Милые девочки, – сказала она, – не считая моего сына Фрэнки, который сейчас в школе, я самая большая сорвиголова на свете. А теперь пойдем на свежий воздух, я покажу вам кое-что интересное.

Несколько часов, проведенных в Шортландсе, для Джесмин и Дэйзи пробежали слишком быстро. Миссис Элсуорси очень старалась им понравиться. Она и всегда была обаятельной, а тут, оставив все условности, стала общаться с девочками совсем на равных. Джесмин и Дэйзи очень веселились. Недоброжелатель мог бы сказать: «Как странно слышать такой веселый смех – только месяц, как умерла их мать».

Но у миссис Элсуорси было слишком доброе сердце, чтобы столь несправедливо судить об этих детях. Она знала, что темные круги под глазами Джесмин появились от пережитого ею глубокого горя. Но она также знала, что у таких натур за бурей неизбежно просияет солнце.

А Дэйзи в разгаре игры вдруг заплакала.

– В чем дело, малышка? – спросила хозяйка дома.

Девочка обхватила ее руками за шею и прошептала сквозь рыдания:

– Я так счастлива сегодня. Но я знаю, что завтра буду еще несчастнее, чем прежде. Мне бы так хотелось рассказать маме о вас, но мамы никогда не будет...

Примроз тоже была безмятежно счастлива. Она была рада слышать смех младших сестер, и ей нравилось гулять в таком красивом саду и ощущать на лице дуновения мягкого, летнего ветерка.

Деревня Розбери лежала в долине, а Шортландс располагался на холме, и воздух здесь был еще более здоровым. Когда Примроз увидела, как миссис Элсуорси сумела развеселить ее сестер, она простила ей невниманию к покойной матери.

Мистер Элсуорси, угадав характер Примроз, разговаривал с ней, как со взрослой, и даже показал несколько своих любимых книг. Джесмин и Дэйзи казались моложе своих лет, но Примроз – старше. Она любила задавать практические вопросы. Если бы она лучше знала мистера Элсуорси, она бы отважилась проконсультироваться с ним, как лучше распорядиться тридцатью фунтами в год, чтобы покрыть все нужды трех девочек, которые желают жить как леди. Но она была застенчива и сдержанна. Когда, побуждаемый взглядом жены, мистер Элсуорси попытался коснуться в беседе проблемы денег, Примроз отпрянула в сторону, как испуганная лань.

Так пролетел этот счастливый день. Наконец миссис Элсуорси решилась коснуться самой важной проблемы.

– Примроз, – сказала она, отведя в сторону старшую из сестер. – Простите, но я должна поговорить с вами откровенно, дорогая. Я называю вас по имени, поскольку мы ведь не чужие. Мой муж знал вашего отца. Могу ли я называть вас просто по имени?

– Конечно, пожалуйста, – отвечала Примроз с очаровательной улыбкой, которая, к сожалению, крайне редко появлялась на ее спокойном лице. – Мне нравится, что вы зовете меня по имени. Когда ко мне обращаются «мисс Мэйнуеринг», я чувствую себя неловко.

– В таком случае, для меня вы – Примроз, дорогая. Теперь, Примроз, дайте мне руку и садитесь поудобнее в это кресло. Я хочу вам кое в чем признаться. Я приехала к вам вчера утром, чтобы предложить вам поддержку.

– Поддержку – нам? Зачем? – спросила Примроз.

Миссис Элсуорси засмеялась немного нервно:

– Мое дорогое дитя, не спрашивайте, почему и зачем. Я не могу поступить иначе – вот и все. Однако я не высказала и половины своего признания. Я приехала к вам потому, что мисс Мартиноу попросила меня об этом.

Лицо Примроз вспыхнуло, и миссис Элсуорси заметила ее недовольный взгляд.

– Вы не должны сердиться на мисс Мартиноу, Примроз. Она очень любит вас. Она опечалена вашей судьбой. Она... Дорогая моя, она сказала мне о вашей бедности.

Примроз поднялась с кресла и сказала спокойнейшим тоном:

– Мы действительно бедны, но не думаю, что это должно касаться кого-нибудь, кроме нас. Мы сами не думаем об этом, по крайней мере, не слишком много. Видите ли, мы никогда не были богаты. Нельзя потерять то, чего у тебя никогда не было. Жаль, что люди проявляют ненужную заботу. Я считаю неучтивым со стороны мисс Мартиноу пытаться вовлечь вас в наши личные дела. Но поскольку благодаря ей мы познакомились с вами, я прощаю ее. Вы – замечательный друг. Миссис Элсуорси, я думаю, нам пора идти: Дэйзи не привыкла так поздно ложиться спать.

«Примроз Мэйнуеринг самая скучная и чопорная молодая особа из всех, что я знаю, ее невозможно понять», – подумала миссис Элсуорси, но вслух произнесла любезно:

– Конечно, дорогая. Наш кучер отвезет вас. Я и слышать не хочу о том, что вы пойдете пешком.

Глава VIII. Тридцать фунтов в год

Сочтя Примроз скучной и неумной, миссис Элсуорси ошиблась.

Торжественный вид мисс Мартиноу, настойчивые рекомендации мистера Дэйнсфилда извлечь максимум пользы из визита в Шортландс и, наконец, выражение глубокой печали на очаровательном лице миссис Элсуорси при упоминании об их бедности ни в коей мере не остались ею незамеченными.

Примроз было крайне неприятно, что их отвезли домой в роскошной карете Элсуорси. Она едва слышала оживленную болтовню Джесмин и почти не заметила восторг Дэйзи по поводу крошечного белого щенка – прощального подарка миссис Элсуорси.

По их прибытии Пинк встретила непрощенное прибавление в семействе злобным нападением. Джесмин, Дэйзи и Ханна были огорчены. Они принялись обсуждать, как бы примирить воюющие стороны. Примроз не принимала участие в разговоре, сославшись на головную боль.

Тем не менее, когда младшие ушли спать, она взяла счетную книгу и стала решать невыполнимую задачу. Даже ее молодые, крепкие мозги не могли придумать, как тридцатью фунтами покрыть годовые расходы. И так и сяк прикидывала Примроз. Аренда коттеджа стоила двенадцать фунтов в год. Она сочла эту трату чрезмерной и подумала о более дешевом жилье.

Затем – услуги Ханны. Конечно, они могли бы обойтись без нее. Хотя это было бы очень болезненно – расстаться с Ханной, – но все же лучше, чем унижительное положение, о котором говорили миссис Элсуорси и мисс Мартиноу – якобы они слишком бедны, чтобы выжить.

Затем можно, наверно, обойтись без мяса. Зачем здоровым девочкам мясо? Только здесь Примроз глубоко вздохнула – Дэйзи не очень-то сильная. Яйца и масло дешевы в Розбери, и можно самим печь хлеб. Что до одежды, им долго не придется ее обновлять. Здесь Примроз вновь почувствовала легкое смущение, ибо прогулочные туфли Джесмин почти порвались.

Спать она отправилась поздно, в угнетенном и тревожном состоянии. Оказалось, что на тридцать фунтов просто невозможно прожить. Этих денег не хватит даже на самые насущные расходы. Немного утешала мысль о том, что в банке лежат деньги, с которых можно брать проценты. Убедившись, что тридцати фунтов для нормальной жизни недостаточно, она еще верила, что двести фунтов – сумма неисчерпаемая.

Примроз решила проконсультироваться завтра с мистером Дэйнсфилдом.

В десять часов утра мистера Дэйнсфилда уже можно было застать в его рабочем кабинете, в банке. Вскоре после десяти, на следующий день, в кабинет вошел клерк и возвестил, что одна из молодых леди из коттеджа «Жимолость» желает его видеть. «Старшая из них, – продолжил клерк, – она говорит, что у нее важное дело».

Банк в Розбери был филиалом большого банка в ближайшем городе. Так случилось, что в то утро мистер Дэйнсфилд был особенно занят. Ему было необходимо поскорее попасть в центральный офис банка. По многим причинам визит Примроз был для него помехой.

«Бедное дитя, – подумал он, – я решительно не могу сказать ей ничего хорошего. И сегодня у меня совсем нет на нее времени».

Вслух он сказал клерку:

– Попросите мисс Мэйнуеринг зайти и прикажите, Доусон, чтобы моя двуколка была у двери через десять минут.

– Я не задержу вас надолго, мистер Дэйнсфилд, – начала Примроз в несвойственной ей манере, быстро и немного нервно.

Мистер Дэйнсфилд был образцом учтивости, даже если был чем-то недоволен.

– Садитесь, моя милая юная леди, – сказал он, – я рад видеть вас и могу уделить вам ровно пять минут.

– Я хочу задать вам два вопроса, – вновь заговорила Примроз. – Они касаются денег. Ведь вы знаете о них все.

– Не все, моя дорогая девочка. Деньги – это слишком большая тема, чтобы уместиться в голове одного человека.

Примроз нетерпеливо притопнула ногой и, чуть помолчав, подняла свои ясные карие глаза прямо на банкира.

– Сколько у нас денег в банке, мистер Дэйнсфилд?

– Немного, мое дитя, очень мало, почти ничего. Прошу извинить меня, но весь ваш капитал составляет неполных двести фунтов.

Примроз приняла эту информацию спокойно.

– Спасибо, – сказала она, – я хотела это услышать от вас. У меня есть еще один вопрос, затем я уйду. Мы с сестрами имеем право на пенсию в тридцать фунтов в год. Если брать небольшую сумму из нашего капитала, скажем, десять или пятнадцать фунтов в год, сможем мы прожить на них, мистер Дэйнсфилд?

Мистер Дэйнсфилд встал и, подойдя к Примроз, положил руку ей на плечо.

– Прожить?! Бедное, милое дитя, вы с сестрами будете голодать. Нет, мисс Мэйнуеринг, у вас нет другого выхода, как изменить свою жизнь и начать зарабатывать деньги. Ваши друзья, я не сомневаюсь в этом, помогут вам, и вы должны принять их помощь. Я был счастлив дать вам совет. Теперь, к сожалению, я должен идти. Моя двуколка у дверей. Доброго вам утра!

Глава IX. Странное письмо и предполагаемый визит в Лондон

Примроз всегда была решительной в своих поступках. С раннего детства ее правилом было: «решил – сделал».

После визита к мистеру Дэйнсфилду она направилась домой и, не обращая внимания на Дэйзи, звавшую ее из сада, и на Джесмин, воскликнувшую: «Сестра, помоги приладить отделку к моей новой черной юбке», – избежала по лестнице и заперлась в комнате матери.

Там она снова открыла старую конторку и достала толстый пакет со шкатулкой, в которой лежало письмо, адресованное ей.

Теперь наконец она распечатала конверт и, преодолевая волнение, стала читать послание с того света.

Письмо было датировано примерно тремя месяцами ранее и было написано аккуратным разборчивым материнским почерком.

«Моя дорогая доченька, – начиналось письмо, – вряд ли я уйду из жизни слишком скоро, а потому, быть может, ты прочтешь это письмо лишь годы спустя, когда твоя юность уже пройдет.

Однако я решила твердо: ты не должна узнать тайну, которая в нем содержится, пока я жива. Я храню ее от тебя, моя дорогая, потому что не в силах обсуждать ее с тобой. Когда это событие произошло, я сокрыла его в своем сердце, и никто, даже моя дочь, не должен узнать о нем до самой моей смерти.

Примроз, когда я умру, ты найдешь это письмо в моей конторке и прочтешь его. Но даже в этом письме я не могу сказать всего. Поэтому иди к Ханне, она расскажет тебе подробности. Она живет у меня с первого дня моего замужества и знает все, что известно мне.

Однажды, когда тебе было только шесть лет, я зашла в твою комнату и услышала, как Ханна говорит тебе, поправляя твою постель: „Вы должны очень сильно любить свою мамочку, мисс Примроз, потому что у нее было ужасное горе“.

Ни ты, ни она не заметили меня. Ты подняла свои чудесные глазки, посмотрела на нее и спросила: „Какое горе, няня Ханна?“

„Горе такое ужасное, что его невозможно вынести, – ответила Ханна. – Но когда родились вы, мисси, ей стало легче. Вы стали весною для моей госпожи, вот почему она назвала вас Примроз“.

В тот вечер я позвала Ханну и взяла с нее честное слово, что она никогда больше не будет говорить ни с кем из моих детей о моем горе. Она обещала и сдержала слово.

Теперь, дорогая, ты узнаешь о том, что разбило бы мое сердце, если бы Бог не послал мне моих трех девочек.

Примроз, с твоей матерью случилось то, что страшнее смерти. Твой отец умер, я знаю, где лежат его кости, знаю, что когда-нибудь увижу его опять. И я не ропщу.

Горе, о котором я пишу, намного страшнее этого.

Дорогая, ты – не самое старшее мое дитя. Ты – не первый прелестный ребенок, который покоился на моих руках. За несколько лет до твоего рождения у меня был сын. О! Как могу я говорить о нем? Он был похож... Он

выглядел, как... Примроз, я не могу продолжать. Попроси Ханну рассказать, на кого был похож мой мальчик. Ему было пять лет, когда я его потеряла. Он не умер, он был у меня похищен. Теперь ты понимаешь, почему твоя мать часто бывает грустной и почему даже ты, Джесмин и Дэйзи не часто можете вызвать у меня улыбку?

Моего прелестного мальчика украли. Я не видела его мертвым. Я не могу пойти на его могилу и положить цветы. Уже двадцать лет, как его нет со мной, и я ничего о нем не знаю.

Ханна расскажет тебе подробности, Примроз. Я не могу. Я горюю о нем гораздо сильнее, чем если бы он умер. Я живу только для вас троих. Твоя мать, Констанс Мэйнуэринг»

Едва Примроз успела дочитать письмо и в полной мере осознать его содержание, как услышала легкие шаги и увидела, что дверную ручку осторожно повернули.

Быстро опустив письмо в карман и закрыв крышку конторки, она подбежала к двери и отперла ее. За дверью стояла Джесмин.

– Я всюду искала тебя, Примроз, но я не хочу тебя беспокоить. Я подумала, что ты можешь быть здесь. Я уйду, если ты занята.

– Я могу пойти с тобой, если нужна тебе, Джесмин, – удивленно ответила Примроз.

Лоб Джесмин разгладился, и лицо ее посветлело.

– Хорошо, что ты можешь пойти со мной, – сказала она. – Дело касается Поппи Дженкинс. Она стоит внизу. Она уезжает, пришла попрощаться. Знаешь, Примроз, она уезжает в Лондон!

Джесмин говорила так взволнованно и нетерпеливо, что Примроз не могла сдержать улыбку. Сестры взяли за руки и вместе сбежали по лестнице.

Поппи, черноглазая девушка с ярким румянцем и волосами цвета воронова крыла, стояла внизу, теребя завязки от передника и оживленно болтая с Дэйзи. Она знала трех сестер с самого их рождения и не только любила их всем сердцем, но и очень уважала. Никогда больше она не встречала таких красивых и обаятельных девочек, как сестры Мэйнуэринг.

Когда появилась Примроз, Поппи почтительно с ней поздоровалась. Она уважала ее больше других, зато младших больше любила.

– Пришла попрощаться, мисс, – сказала она. – Я уезжаю, милые мои юные леди. Меня посылают в Лондон, мисс Примроз.

Невозможно передать выражение скромной гордости, с которым Поппи произнесла эти слова. Она думала, что Примроз будет сражена и потрясена этим сообщением. Но ее как ушатом воды окатили спокойные слова Примроз:

– Лондон – далеко, Поппи. Зачем ты туда едешь?

– Моя тетя держит пансион в Лондоне, мисс Примроз. У нее избранное общество, и есть одна особенность: она не принимает джентльменов. Ее пансион только для леди. И она написала моей маме, что дело процветает и ей нужна девушка, честная и работающая, выросшая в деревне, чтобы помогать обслуживать леди. И она выбрала меня, мисс, ведь она меня знает, я – ее родная племянница. И мама с радостью согласилась. Это для меня отличная перспектива, мисс Примроз.

– Я рада за тебя... – начала было Примроз, но Джесмин прервала ее:

– Отлично, – воскликнула она, – конечно, ты права, Поппи. Я так рада, что ты едешь. Потому что Лондон – это прекрасный, удивительный, замечательный город. Я читала о нем, и мечтала о нем, и рисовала его. Ты будешь в восторге! Тетя, конечно, покажет тебе достопримечательности. Присядь на минутку. Примроз, ведь мы должны рассказать ей о тех местах, которые она увидит?

Примроз кивнула, а Поппи присела на краешек ближайшего кресла, сложила на коленях свои красные натруженные руки и приготовилась слушать.

– Прежде всего, Поппи, – начала Джесмин, подождав, не заговорит ли сестра. Но Примроз погрузилась в странное молчание. – Прежде всего, Поппи, ты должна посетить те места, где ты многое узнаешь. Я полагаю, твоя тетя достаточно умна, раз держит пансион, и она все тебе покажет. Итак, прежде всего ты должна пойти в Вестминстерское аббатство. О, Поппи! Я читала такие великолепные его описания. Свет, струящийся из разноцветных окон, удивительные древности между старинных колонн. И при этом музыка – она заполняет проходы между креслами, а с резных крыш слышен звон колоколов. Ты будешь до глубины души потрясена Вестминстерским аббатством, Поппи. Но ты должна помнить, что тебе выпало великое счастье, и будь благодарной за это. Ведь ты увидишь своими глазами такое чудо, такое прекрасное, такое знаменитое здание!

– По вашему описанию, мисс Джесмин, это здание внушает мне страх, – ответила Поппи. – Нет ли там другого места, тоже почитаемого, но более веселого, мисс?

– О, конечно, есть, глупенькая Поппи, но в аббатство ты пойдешь прежде всего. Потом ты должна увидеть здание Парламента, где принимают законы. Если тебе не страшно, обязательно пойдешь. Потом посети Тауэр, где людям рубили головы. Там очень мрачно, в Тауэре. И, конечно, обязательно надо сходить в зоопарк. Там ты увидишь, как кормят львов и еще – обезьян.

– Мне нравятся обезьяны, – вздохнула Поппи, чье лицо все мрачнело и мрачнело по мере того, как Джесмин вела свой рассказ. – И если я смогу хоть немного поглазеть на витрины магазинов, мисс Джесмин, и изучить новые фасоны шляпок и пальто, почему же нет, я потом схожу и в этот ужасный Тауэр, если уж так надо. Моя мама называет Лондон огромным миром соблазнов и суеты, но когда я думаю о красивых леди в тетушкином пансионе и о витринах магазинов, я чувствую, что Лондон прямо-таки ослепителен.

– Я хочу там побывать, – разволновалась Джесмин, глаза и щеки у нее горели. – Я так хочу там побывать! О, Примроз, подумай, быть может, когда-нибудь ты, Дэйзи и я будем молиться в Вестминстерском аббатстве!

– Мы не должны думать об этом, – отозвалась Примроз. – Бог услышит наши молитвы, где бы мы их ни произносили, Джесмин, дорогая.

– Да, – ответила Джесмин, – я не жалею. Поппи, ты очень счастливая девушка, и, я думаю, ты будешь богатой и такой же счастливой, как долгий, весенний день.

– Если вы когда-нибудь приедете в Лондон, мисс Джесмин, – сказала Поппи, поднимаясь с кресла, – помните, что тетушкин пансион – только для леди, и я была бы счастлива увидеть вас там, мисс.

– Но мы не можем приехать, милая Поппи, мы очень бедны теперь. У нас есть на жизнь только тридцать фунтов в год.

Однако Поппи, которая за всю жизнь не держала в руках и тридцати пенсов, эта сумма отнюдь не показалась скромной.

– Могу я осведомиться, мисс, – спросила она, – тридцать фунтов – это все, что у вас есть, или вы их каждый год будете получать?

– Конечно, ежегодно, Поппи, какая ты глупая!

– Тогда я посоветуюсь с тетей, мисс, и постараюсь узнать, не сможете ли вы трое, дорогие мои юные леди, посетить Лондон и остановиться в ее пансионе.

После этих слов Поппи простилась с сестрами Мэйнуеринг. Они смотрели на ее удаляющуюся фигуру с сожалением, потому что они ее очень любили, а Джесмин ей немного завидовала.

Глава X. Пути и средства заработать на жизнь

Вечером, после того как сестры ушли спать, Примроз снова засиделась допоздна – она перечитывала письмо матери, а потом долго размышляла над прочитанным.

Джесмин и Дэйзи, ни о чем не догадываясь, безмятежно спали наверху. Но Ханна тревожилась о своей молодой хозяйке. Она вошла в гостиную и сказала участливым тоном:

– Не пойти ли вам спать, моя хорошая мисси?

– О, Ханна, я так взволнована, – ответила Примроз.

– А теперь почему, моя дорогая? – спросила старая нянька.

Примроз колебалась. Ей хотелось поговорить с Ханной о материнском письме. Она уже почти вынула его из кармана, но остановилась. «В другой раз», – прошептала она про себя, а вслух сказала:

– Ханна, миссис Элсуорси и мисс Мартиноу только намекали мне о том, о чем мистер Дэйнсфилд сказал прямо: у нас троих слишком мало денег на жизнь.

– О, милая, – возразила Ханна, опустившись на ближайший стул, – и вы себя изводите из-за этого, моя хорошая? Этим дела не решишь. Не мучайтесь, мисс Примроз. Только составьте раньше времени и потеряете красоту. Идите-ка спать, дорогая. С нами Бог. Он найдет пути и средства помочь вам.

Примроз поднялась, слезы выступили у нее на глазах. Взяв старческую руку Ханны, она поцеловала ее.

– Я не буду больше мучиться, Ханна, – сказала девушка, – и сейчас пойду спать. Спасибо, что напомнила мне о Нем.

Примроз зажгла свечу и на цыпочках поднялась по лестнице в спальню. Но, положив голову на подушку, подумала: «Даже Ханна видит, что нам не прожить на наше пособие».

На следующее утро Примроз сказала сестрам довольно резко:

– Я поняла причину суетливости мисс Мартиноу и доброты к нам миссис Элсуорси. Они обе жалеют нас, зная, что мы не сможем прожить на тридцать фунтов в год.

– Что за глупости! – воскликнула Джесмин. – Тридцать фунтов – вполне достаточная сумма. Ты обратила внимание, как у Поппи округлились глаза, когда мы упомянули об этом? Она подумала, что это – куча денег, и сказала, что мы свободно сможем съездить в Лондон. Я уверена, Примроз, если кто и знает, то это Поппи, ведь ее мать вправду очень бедная.

– Мистер Дэйнсфилд тоже считает, что не сможем, – продолжала Примроз, – и когда я прошлой ночью сказала об этом Ханне, она подтвердила: «Конечно, нет». Нам не на что надеяться. Послушай, Джесмин, для вас с Дэйзи это новость, но я уже свыклась с этой мыслью. Я думаю об этом уже целые сутки. И вот что я скажу: если нельзя прожить на наше пособие, значит, надо иметь больше денег. Если тридцати фунтов недостаточно, надо научиться зарабатывать самим или залезть в долги, что было бы ужасно. Боюсь, Джесмин, время нашего беспечного детства кончилось. Жаль, что вы с Дэйзи еще так молоды.

– Нуичто, – возразила Джесмин, – я тоже могу что-то делать, например, украшать платья... А что, если я буду писать стихи и продавать их? Ведь вам с Дэйзи нравятся мои стихи. Помнишь, Дэйзи, как ты плакала над стихотворением «Ода ласточке»?

– Нет, я не над ним плакала, – вмешалась Дэйзи. – Оно мне как раз не нравится. Я плакала над другим. Там, где ты пишешь о моей милой Пинк, будто она попала в капкан и у нее сломаны лапки.

– Ах, это, – протянула Джесмин, – ну нет, оно, пожалуй, немного детское. Я написала его только для тебя, Дэйзи. Примроз, ты заметила, как много стихов напечатано во всех журналах? Кто-то же написал их. Я не удивлюсь, если смогу немного добавить к нашему пособию стихами. Все книги и почти все газеты и журналы издаются в Лондоне. Поппи едет в Лондон

завтра. Я сейчас сбегая к ней и попрошу, чтобы она поискала издателя, который согласился бы напечатать мою «Оду ласточке». А вдруг они напечатают ее в «Ревью»?⁷ Только «Ревью» – ужасно серьезный журнал. Но моя «Ода» – тоже серьезная. Дэйзи еще не может понять ее. Может быть, я пошлю стихотворение о Пинк в какой-нибудь другой журнал. Примроз! Можно, я скорей побегу к Поппи и попрошу ее помочь нам?

Примроз слабо улыбнулась и подумала с грустью, какой еще наивный ребенок – ее сестра.

– Думаю, не стоит, дорогая, – ответила она. – Поппи вряд ли может помочь тебе с издателями. Слушайте дальше. Вот письмо, которое я нашла вчера в маминой конторке. Оно адресовано мне, но его содержание касается всех нас. Пойдите в сад и прочтите его вместе. Вы будете поражены. Бедная мама, как она, должно быть, страдала! Читайте, а я пойду. Мистер Дэйнсфилд разрешил мне советоваться с ним, а поскольку я знаю, что он мудрый человек, я так и поступлю.

– Может быть, возьмешь с собой мою «Оду»? – осведомилась Джесмин.

– Нет, не сегодня, дорогая. Я не приду к обеду, не ждите меня.

– Я придумала одну вещь: мы будем экономить на еде, – объявила Джесмин, тряхнув своими локонами. – Если ты не придешь к обеду, Примроз, мы с Дэйзи разделим яйцо пополам. Я читала, что яйца очень питательны, поэтому хватит и половины. Пойдем в сад, Глазастик! Примроз, я думаю, мы сможем что-нибудь подзаработать к нашей пенсии. Если мы будем есть совсем мало да еще если в «Ревью» понравятся мои стихи, а я могу сочинить их сколько угодно!

⁷ Review – обозрение (англ.).

Глава XI. Отказ

Примроз, подняв подбородок немного выше, чем обычно, с гордым взглядом быстро шагала по деревенской улице. Черное траурное платье красиво оттеняло ее золотистые волосы. Никогда она не выглядела так прелестно и независимо, как в тот момент, когда шла просить о помощи.

В это утро мистер Дэйнсфилд не был так занят, поэтому принял юную гостью без промедления.

– Садитесь, моя дорогая, – сказал он, – рад видеть вас. Вы пришли за советом? Готов дать его с радостью.

Примроз медленно подняла голову.

– Я обдумала то, что вы сказали вчера, – заговорила она. – Раз нашего пособия недостаточно, даже с добавкой денег из банка, мы должны постараться сами помочь себе, не правда ли?

– Это смелая мысль, дитя мое. Конечно, вам придется потрудиться, и, думаю, вы в состоянии это сделать.

– Мы должны зарабатывать деньги, – продолжала Примроз. – Как могут такие необразованные девушки, как мы, а я считаю, что мы недостаточно образованные, прибавить что-либо к нашему пособию?

Мистер Дэйнсфилд сдвинул брови.

– Вы задали трудный вопрос, – сказал он. – У меня нет своих детей, и я очень мало знаю о молодежи. В одном, однако, я убежден определенно: ни Дэйзи, ни Джесмин пока не могут работать. Вы, Примроз, с некоторыми хлопотами, можете получить место гувернантки. Вы – милы и привлекательны, моя дорогая.

Примроз покраснела, и слезы отчаяния выступили у нее на глазах.

– Есть одно обстоятельство, – произнесла она дрожащим голосом, – мы трое должны жить вместе. На этом я буду стоять твердо.

Мистер Дэйнсфилд снова нахмурился и беспокойно заерзал на стуле.

– Послушайте, Примроз, – сказал он, – я старый холостяк и не знаю половины, даже четверти способов, какими женщина может заработать на жизнь. Мне всегда говорили, что женщина создана для дома. Попробуйте задать этот вопрос мисс Мартиноу. Она добрая душа, очень добрая и умеет жить своим трудом. Пойдите к ней, Примроз, и она вам откроет эту тайну. Я сделаю для вас все, что смогу, и всеми силами постараюсь служить вам.

– Спасибо, мистер Дэйнсфилд, до свидания. Я знаю, у вас добрые побуждения, но мы трое должны держаться вместе, и мы должны быть независимы.

С этим она покинула контору и продолжила свой путь по улице.

«Бедное, маленькое, гордое создание! – подумал мистер Дэйнсфилд. – Ей придется бороться за жизнь. Она расцветает, выглядит прелестно. Как покраснела, когда я похвалил ее внешность – бедное дитя! Их мать должна была что-то предпринять, чтобы обеспечить своих дочек, таких необычных, настоящих леди. Наверно, она была слабым человеком, плыла по течению. Надеюсь, мисс Мартиноу что-нибудь придумает. Надо будет побеседовать с нею. Клянусь честью, я не знаю, что можно сделать для этих детей».

Когда Примроз подошла к дому мисс Мартиноу, старая леди только что отпустила последнего из своих учеников. Она стояла на ступенях крыльца в своем аккуратном коричневом платье, поверх которого носила широкий черный передник с нагрудником. На переднике имелись вместительные карманы, которые в этот момент были набиты листками с упражнениями ее учеников по французскому языку. На голове мисс Мартиноу красовалась допотопная бархатная шляпа с черным кружевом, отделанная странным узором из разноцветных бусин.

Она обрадовалась, увидев Примроз, и провела ее в свою маленькую гостиную.

– Дорогая моя, вы просто обязаны пообедать со мной. Вы не должны отказываться от мяса. У меня сегодня на обед салат и мясной пудинг с рисом. Поешьте со мной, Примроз.

– Благодарю вас, – ответила Примроз, – но я совсем не голодна. Если вы не против, мы побеседуем, пока вы обедаете. Мисс Мартиноу, я пришла попросить у вас совета.

Мисс Мартиноу подошла и расцеловала девушку в обе щеки.

– Любовь моя, мне это так приятно. Мне доставит искреннюю радость дать совет тому, кто молод и неопытен. Вы пришли от миссис Элсуорси, моя милая?

– Совсем нет. Миссис Элсуорси ничего мне сказать не сможет. Она только друг, не более того. Мисс Мартиноу, мы убедились, что не сможем прожить на наше маленькое пособие. Скажите, пожалуйста, как нам увеличить эту сумму при условии, что мы все трое должны жить вместе?

– Жить вместе – это невозможно! Вы должны принять неизбежное, Примроз. Единственный выход для вас троих – сломать прежний уклад жизни. При добром покровительстве со стороны миссис Элсуорси вы получите место гувернантки или компаньонки, а младшие, Джесмин и Дэйзи, будут устроены в хорошую школу для сирот. Элсуорси употребят все свое влияние для осуществления этого плана. Они добры и приняли в вас большое участие. Примроз, дорогая, это звучит жестоко, но лучше говорить прямо. Вы должны пока жить с сестрами врозь. Это неизбежно. Вам надо понять и принять это.

– Этого можно избежать, – ответила Примроз. Она помолчала и сильно побледнела. – Этого можно избежать, – повторила она. – Ни вы, ни миссис Элсуорси не имеете ни малейшего права на контроль ни над сестрами, ни надо мной. Я пришла просить у вас совета, но если это лучший ваш совет – я его не принимаю. Миссис Элсуорси не удосужилась познакомиться с моей матерью – не ей разлучать ее детей. До свидания, мисс Мартиноу. Нет, я не голодна. У меня болит голова. О нет, я не обиделась, я верю в ваши добрые чувства, но есть вещи, которые нельзя принять. Нет, мисс Мартиноу, тот «неизбежный» выход, который вы и миссис Элсуорси были столь добры предложить мне, для нас неприемлем.

Глава XII. Их нельзя разлучать

Примроз прошла мимо коттеджа, который много лет был ее домом. Сестры не ждали ее к обеду, а ее сердце было слишком переполнено, чтобы кого-либо сейчас видеть.

Итак, они должны быть разлучены – таков совет тех, кто называет себя их друзьями. Примроз, Джесмин и Дэйзи – три цветка, как их называла мать, не могут больше счастливо расти вместе, в одном саду. Примроз должна пойти одним путем, а младшие – другим. Импульсивная Джесмин на сможет больше выплакивать на груди Примроз свои горести и беды и рассказывать ей о своих радостях, надеждах и стремлениях. Дэйзи, их малышка, как Примроз ее называла, может загрустить, или заболеть, или почувствовать себя одинокой, а ее, Примроз, не будет рядом, чтобы утешить. Разлучить их! Нет, этого не будет. Всю их короткую жизнь они росли вместе, и, если придется голодать или, наоборот, пировать, они будут делать это вместе. Спасибо Господу, никто никогда не управлял ими и не контролировал их. Теперь они одиноки, зато могут самостоятельно выбирать свой путь, и никто не в силах им помешать.

«Я рада, что узнала самое худшее, – подумала Примроз. – Люди хотели проявить доброту, но откуда им знать, *что* мы, трое, значим друг для друга?»

Увлеченная горькими мыслями, она шла быстро и миновала уже деревню, как вдруг столкнулась с Поппи Дженкинс, которая спешила домой, к матери.

– Добрый день, мисс Примроз, я завтра уезжаю, – сказала Поппи и вежливо присела.

Ее щеки пылали ярче, чем обычно.

– Да, Поппи, я помню и надеюсь, ты будешь счастлива в Лондоне.

Они разошлись. Внезапная мысль заставила Примроз догнать Поппи и положить руку ей на плечо.

– Поппи, дай мне свой лондонский адрес. Он может мне пригодиться.

– О господи, мисс Примроз, вы надеетесь сэкономить из ваших тридцати фунтов на поездку в Лондон?

– Возможно, мы будем в Лондоне, Поппи, точно не знаю. Во всяком случае, я хотела бы иметь твой адрес. Можно?

– Конечно, мисс. Тетя живет в центральной части города. Она говорит, арендная плата очень высока, но все делается для удобства красивых леди, которые живут у нее. Адрес там такой: «Пенелоп Мэншн, Райт-стрит, Эджуер Роуд». Красиво, не правда ли, мисс Примроз?

Примроз снова улыбнулась, но от этой улыбки у бедняжки Поппи сжалось сердце. Примроз попрощалась и продолжила свой путь.

«Трудно решить, как надо поступить, – думала измученная заботами девушка. – Если наш брат, пропавший много лет назад, жив, это было бы просто замечательно для нас. Но боюсь, он умер. Ведь если бы он был жив, мама за столько лет что-нибудь о нем услышала бы. Двадцать лет, как он пропал. Больше, чем вся моя жизнь. Бедная мамочка! Бедная милая мамочка! Как она, должно быть, страдала! Теперь я понимаю, почему так часто ее славное лицо было печальным и почему она поседела раньше времени. Как жаль, если нашего брата нет на свете, – он бы ни за что не допустил, чтобы нас разлучили».

Примроз немного ускорила шаг, потом вдруг повернулась и пошла домой. Ее встретили чрезвычайно взволнованные сестры. Заезжала миссис Элсуорси, она была милее и ласковее, чем когда-либо. Привезла Дэйзи нарядную куклу, а Джесмин, которая так любила цветы, – большой букет экзотических растений. Они выглядели весьма необычно в их скромном маленьком коттедже.

– И оставила тебе длинное письмо, Примроз, – продолжала Джесмин. – Она надеется, что ты его сегодня же прочтешь, и она придет завтра утром опять и обсудит его с тобой. Она

говорит, в этом письме очень хороший план. Интересно, что за план? Ты будешь сейчас читать письмо, Примроз? Может быть, мне прочесть его вслух?

– Нет, – ответила Примроз немного резче, чем обычно. – Письмо миссис Элсуорси ждет.

И она сунула толстый белый конверт в карман.

– Сестренка, милая, почему ты так побледнела? Ты устала?

– Немного, – ответила Примроз. – Я не обедала. Я бы выпила чашку чая.

Джесмин вылетела из комнаты за чаем, а Дэйзи прижалась к старшей сестре.

– Примроз, – прошептала она, – мы с Джесмин прочли вместе то письмо в саду. Мы были так удивлены, что у нас давным-давно был маленький братик. Мы пошли к Ханне и спросили ее о нем, а Ханна заплакала. Я никогда не видела, чтобы Ханна так сильно и долго плакала. Она сказала, он был прелестный мальчик. Как бы я хотела, чтобы он был с нами! Он был бы еще красивее, чем моя новая кукла.

– Но если бы он был сейчас с нами, он был бы взрослым, Глазастик. Большим, смелым мужчиной, способным помочь нам, бедным.

Дэйзи немного подумала:

– Я могу представить его только маленьким, – сказала она. – По словам Ханны, он пропал в Лондоне. Вот было бы здорово поехать в Лондон и найти нашего брата!

Глава XIII. Сестры читают письмо миссис Элсуорси

Девочки успели допить чай, а Ханна – убрать со стола, когда Примроз наконец заглянула в адресованное ей длинное письмо. Она сделала это после пылких просьб обеих сестер. Дэйзи прыгала на диване, умоляя прочесть, что написала милая миссис Элсуорси. Джесмин взяла письмо, положила старшей сестре на колени и села на скамеечку рядом с ее креслом. Обе девочки выглядели взволнованными. Глаза их блестели от нетерпения и предвкушения.

Примроз, наоборот, казалась безразличной. Она вяло вскрыла конверт и стала читать письмо вслух несколько апатичным голосом.

Вот что написала ей миссис Элсуорси.

«Дорогая Примроз! (Вы помните, что разрешили мне так Вас называть?) У меня не хватило смелости сказать Вам вчера все, что у меня на сердце. Мое дорогое дитя, может быть, это нелепо, но я боюсь Вас. В глазах света я – знатная леди, потому что имею средства и мой муж занимает высокое положение. В глазах того же света Вы, Примроз, – простая деревенская девушка. Тем не менее неопытная девушка сумела удержать на расстоянии светскую даму и дать ей ясно понять, что считает ее вопросы неуместными. Когда я прочла это в Ваших глазах, Примроз, я испытала страх и перестала задавать вопросы. От робости и смущения человек прибегает к перу и чернилам, чтобы откровенно выразить свое мнение.

Я доверяю бумаге то, о чем вчера побоялась сказать Вам. Прежде всего, Вы ошибаетесь во мне. Я – не то, что Вы думаете. О, я хорошо знаю, что Ваша гордая душа говорит Вам обо мне: „Она знатна и богата. Мы развлекаем ее, и она желает покровительствовать нам...“»

На этом месте чтение было прервано восклицанием Дэйзи:

– Но мы же так не думаем о нашей милой, доброй миссис Элсуорси. Правда ведь, Джесмин?

– Читай дальше, Примроз, – откликнулась Джесмин.

Примроз продолжала.

«Вы неверно судите обо мне, дорогая, и все же Вы правы: Вы действительно мне интересны и я на самом деле хочу Вам помочь. Мне уже известна большая часть Вашей истории, и отчасти я узнала ваши характеры. Вот что я знаю о вас: вы – леди порождению, вы неопытны и вы почти не имеете средств к существованию. И вот что я думаю о ваших характерах. Примроз, на бумаге я вас не боюсь. Вы горды и независимы. И, к сожалению, упрямы. Весьма вероятно, что вы изберете свой собственный путь, но я очень сомневаюсь, что это будет правильный путь».

– Нет! Нет! – чтение письма было прервано во второй раз, и Джесмин обняла старшую сестру. – Как она может так думать о тебе? Как мало она знает тебя, моя королева Роз!

Примроз улыбнулась, поцеловала Джесмин в лоб и снова стала читать.

«Характер Джесмин еще формируется. У нее высокие стремления и благородные побуждения. Если они разовьются и если Вы, Примроз, не испортите ее, она может стать замечательной женщиной. Я очень полюбила Джесмин.

Что касается Вашей младшей сестры, она юна, невинна и так же прелестна, как ее имя. Но будьте внимательны, Примроз, – это не очень сильный характер. Меня пугает мысль о ее возможных столкновениях с жестокостями жизни.

Итак, дорогая моя девочка, у меня получилось что-то вроде лекции, что может рассердить Вас, но не это меня тревожит. Я перехожу к практической части моего письма. Я хочу помочь вам всем, но чтобы помощь соответствовала личности каждой из вас.

Нельзя избежать печальной необходимости оставить ваш дом: вы должны зарабатывать средства к существованию. Могу ли я помочь каждой из вас найти свою дорогу, выражаясь фигурально, вложить хлеб в ваши рты? Все это время я думала об этом, и теперь, мне кажется, у меня есть план.

Если Вы со мной согласитесь, Примроз, Вы можете сохранить свою независимость, Джесмин сможет развить способности, данные ей Богом, а маленькой Дэйзи не надо будет бояться жестоких сторон переменчивой судьбы».

При этих словах Дэйзи, которая только отчасти понимала содержание письма, залилась слезами. Примроз посадила ее себе на колени, уронив листки на пол.

– Я знаю, что это значит, – воскликнула она с неожиданной страстью. – Я уже слышала это сегодня от двух разных людей: мистер Дэйнсфилд сказал это по-своему, мисс Мартиноу – по-своему. Теперь миссис Элсуорси повторяет те же слова. Я знаю, они хотят разлучить нас, но я никогда не допущу этого!

Джесмин, опустившись на колени, собирала рассыпавшиеся листки письма миссис Элсуорси. Теперь она подняла глаза и с крайним удивлением посмотрела в лицо старшей сестры. Это было так непохоже на Примроз – дать волю своим чувствам. Обычно она говорила спокойно и взвешенно. За собой Джесмин знала манеру пылко выражать горе, гнев или волнение. Ее всегда бранили за неумение сдерживать эмоции и за привычку употреблять слишком сильные выражения. Но Примроз? Зачем она бросила это доброе, хотя и несколько странное письмо и что хотела выразить таким страшным словом «разлучить»? Кто хочет разлучить их? Уж, конечно, не добрая миссис Элсуорси.

– Может, мы должны дочитать до конца и, так сказать, выслушать ее, даже если она, похоже, тебе не нравится, Примроз? – спросила Джесмин, держа в руках листки. – Тут есть еще два листа. Прочитать их тебе?

Но Примроз не справилась с волнением, которое росло в ней в течение всего дня. Она взяла письмо из рук Джесмин, сложила его и убрала в конверт.

– Я должна поговорить с вами, девочки, – произнесла она. – Мы можем после дочитать письмо, не в нем дело. Знаете ли вы, что эти люди, которых все считают такими добрыми (они и вправду питают добрые чувства по отношению к нам), стараются взять наши судьбы в свои руки? Они не являются нашими опекунами, но хотят управлять нами. Они говорят, что на нашу пенсию нельзя прожить, и советуют, как надо жить. Мистер Дэйнсфилд даст деньги, если понадобится. Мисс Мартиноу даст кучу советов, а миссис Элсуорси даст попечительство и, возможно, деньги тоже. Как я сказала, они хотят быть добрыми и считают, что могут вести нас по жизни. Естественно, они видят, что мы молоды и неопытны, и предлагают мне – один путь, Джесмин – другой, Дэйзи – третий. Теперь что я хочу сказать. Милые мои сестры, давайте выберем сами свои дороги. Не будем обижать наших друзей именно потому, что они наши друзья, но давайте будем твердыми и обязательно держаться вместе. Эти люди считают необходимым разлучить нас, пусть на время, но на долгое время. Повторяю: давайте жить вместе.

– Конечно, – сказала Джесмин. – Так в этом письме сказано, что мы должны жить врозь? Ну-ка, дай его мне.

Она выхватила письмо у сестры и с силой швырнула в другой конец комнаты. Дэйзи прижалась к старшей сестре. Ей все происходящее было непонятно и немного пугало ее.

– Продолжай, – попросила Джесмин, – говори, Примроз. Мы всегда с тобой, Дэйзи и я. Какие глупые люди! Они воображают, что нас можно разлучить!

– Но мы находимся в невероятно тяжелом положении, – продолжала Примроз. – Мы действительно должны зарабатывать деньги на жизнь и совсем не знаем, как это делается. Я недостаточно образованна, чтобы идти в гувернантки, хотя мисс Мартиноу говорит, что, возможно, я и могла бы получить такое место. Хотя, в какую семью возьмут гувернантку с двумя сестрами в придачу? Вы с Дэйзи еще слишком молоды и не можете работать. Джесмин, я очень много думаю обо всем этом и, мне кажется, нам обязательно надо ехать в Лондон.

– Вместе с Поппи? – прервала Джесмин. – Замечательно, восхитительно, моя самая огромная мечта! Поедем, Примроз, дорогая! Я готова слушать тебя всю ночь!

– Но мы поедем не для развлечений, – продолжала Примроз, – отнюдь не для развлечений. Мы поедем, чтобы работать, тяжело работать и учиться. С тем, чтобы понемногу научиться самим себя содержать. И есть только один способ, которым мы можем этого достичь. Мы возьмем у мистера Дэйнсфилда в банке двести фунтов и будем на них жить, пока не научимся зарабатывать. Снимем жилье в дешевой части Лондона. Не знаю, сколько оно стоит, но чтобы было чистым, с белыми занавесками и покрывалами на кроватях. Мы там будем счастливы все вместе и надолго растянем наши двести фунтов. Если жить экономно и прибавлять по тридцать фунтов в год пенсии, можно прожить на них лет пять. За это время Дэйзи подрастет, и ты, Джесмин, станешь взрослой, и, может быть, найдется журнал, который будет печатать твои стихи.

– Никогда не слышала ничего более прекрасного! – воскликнула Джесмин. – Гораздо раньше, чем пройдут эти пять лет, я окажусь на вершине славы. Лондон будет вдохновлять меня. О, это такой красивый, такой замечательный город! Где письмо миссис Элсуорси? Мы не будем читать его до конца, мы его немедленно сожжем, чтобы никакой другой идеи не пришло тебе в голову, Примроз!

Примроз снова улыбнулась, и прежде чем она успела помешать, ее порывистая сестра разорвала в клочки письмо миссис Элсуорси и разожгла огонь в камине, чтобы сжечь его.

– Нельзя слишком идеализировать Лондон, – сказала Примроз, – хотя ехать туда, мне кажется, необходимо. К тому же, как пишет дорогая мамочка, наш старший брат был украден в Лондоне. А вдруг мы его там встретим? Вот вам еще одна причина, чтобы ехать в Лондон.

Глава XIV. Все по-своему

– Я сделала все, что могла, милый Джозеф, – сказала миссис Элсуорси. – Я познакомилась с девочками и написала письмо этой самолюбивой принцессе, Примроз. Было бы действительно замечательно, если бы они здесь поселились. У нас так много денег, больше, чем мы можем истратить. Деньги перестают что-либо значить, когда их так много. Я стараюсь извлечь из денег максимум удовольствия. У меня множество платьев и украшений. Я люблю наше славное поместье и дом в Лондоне. Но чего у меня никогда не было и о чем я мечтаю, так это о дочери. Сын рано или поздно должен уехать в университет, а затем начать свой путь в жизни. Наш мальчик уже учится. Женщина всегда мечтает о дочери, которая радовала бы ее сердце, выросшая на глазах.

И вот теперь у меня может быть три дочери сразу. Примроз может стать полезной в твоей библиотеке, Джозеф. Она будет писать под твою диктовку, и ты должен быть снисходителен к ее ошибкам. Ведь девочка не училась, как следует, и поначалу будет плохой секретаршей. Ничего, тебе придется притвориться, что ты доволен ею, и сделать вид, что у тебя никогда не было такого помощника, как Примроз Мэйнуеринг.

Теперь о маленьких. Когда они будут жить здесь, пусть думают, что я ищу им места в одной из этих ужасных благотворительных школ для сирот – детей военных. Но я обещаю – эти места будет очень сложно найти. Девочки постепенно почувствуют себя нашими приемными детьми. Ах, как мне нравится этот план! И как хорошо мне будет с этими девочками. Джозеф, видел ли ты когда-нибудь более светлое и очаровательное существо, чем наша Джесмин?

– *Наша* Джесмин? – повторил мистер Элсуорси. – Она пока еще не наша, моя дорогая. Но я верю, что твой план осуществится. Они действительно прелестные девочки, и мне приятно сделать доброе дело для дочерей бедняги Мэйнуеринга. Я буду чрезвычайно рад, если они сделают тебя счастливой, Кэт.

Миссис Элсуорси благодарно поцеловала мужа. Она с нетерпением ждала следующего утра, поскольку была уверена, что утром получит ответ на свое письмо.

Но ее ждало разочарование: на следующий день ответа от сестер Мэйнуеринг не было. Миссис Элсуорси прождала до полудня, а затем села в карету и поехала в деревню.

Дверь ей открыла Джесмин. Она выглядела взволнованной, с красными от слез глазами. Но в то же время эти яркие глаза сияли, а губы то улыбались, то горестно сжимались.

– Это вы! – воскликнула она. – Примроз в деревне. Она пошла к мистеру Дэйнсфилду – узнать насчет наших денег. Пожалуйста, пройдите в гостиную. Нам немного некогда, потому что мы начали укладывать вещи, а Ханна стирает муслиновые занавески и покрывала. Мы думаем, что наша дешевая квартирка будет мило выглядеть с муслиновыми занавесками. Мы очень заняты, ужасно заняты, но все равно, проходите и садитесь. Глазастик, это миссис Элсуорси. Миссис Элсуорси, ну разве Глазастик не глупенькая? Она расстроилась оттого, что не увидит, как взойдут семена в саду. Она даже забыла о Пинк, а Пинк обязательно поедет с нами.

– Конечно, дорогая, и Дэйзи увидит всходы своих семян. Мои милые дети, – взволновано продолжала миссис Элсуорси, – я буду так счастлива видеть вас всех в Шортландсе, только, мне кажется, вы могли бы ответить на мое письмо.

Миссис Элсуорси сидела у окна, в глубоком кресле, в то время как Джесмин стояла перед ней, а Дэйзи молча сидела на полу и складывала покрывало.

– Мы могли бы ответить на ваше письмо? – эхом отозвалась Джесмин. – Вы знаете, если быть совсем откровенной, ваше письмо немного похоже на лекцию. Вы обращаетесь в нем к нашей Примроз, но, услышав его, Дэйзи заплакала. Вы предложили план и написали, что он замечательный, но... но прежде, чем мы прочли эту часть вашего письма, Примроз предложила другой план, свой собственный, и он такой замечательный, такой прекрасный, что мы порвали

ваш план из страха, что он может соблазнить нас. Мы не знаем, каков ваш план, миссис Элсуорси, но мы не хотим принять его, потому что у нас есть свой собственный, и он нам нравится!

По мере того, как Джесмин говорила, выразительное лицо миссис Элсуорси все больше искажалось болью. Она вспомнила слова мужа: «Она пока еще не *наша* Джесмин». Как многие красивые и богатые женщины, она не привыкла к возражениям. А когда дело стало складываться не так, как она хотела, ее желание лишь усилилось, и миссис Элсуорси ощутила досаду.

– Это жестоко – рвать письма добрых друзей, – произнесла она. – Я предложила вам то, что в любом случае могло бы принести вам пользу, а вы даже не удосужились прочитать. Нет, мои дорогие, я не сержусь. Дэйзи, подойди и поцелуй меня. Джесмин, дай руку. Можно я расскажу вам свой план, о котором вы не прочитали вчера вечером?

– О, мы не хотели обидеть вас, ни за что на свете, – сказала Джесмин. – Дэйзи, поцелуй миссис Элсуорси. Конечно, вот моя рука. Я люблю вас, и Дэйзи любит, и...

– Нет, только не Примроз, – возразила миссис Элсуорси. – Примроз настроена против меня, хотя верю, что смогу переубедить ее. А теперь, дети мои, могу я рассказать о своем плане?

– Да, конечно, расскажите, – ответили девочки хором. Но Джесмин прибавила: – Хотя вряд ли мы его примем, потому что у нас есть свой собственный.

– Да, дорогие, но планы девочек, таких юных, как вы, могут быть изменены. А теперь слушайте, что я хочу вам предложить. Мистер Элсуорси пишет статьи для газет и пары журналов. Он решает научные проблемы, поэтому его мысли интересны многим. Но у него слабое зрение, и ему хотелось бы, чтобы рядом была милая девушка, которой он мог бы диктовать свои мысли. Он думает, да и я тоже, что Примроз – как раз такая девушка, которая ему нужна. Если бы она согласилась жить у нас и работать у него по два часа ежедневно, мы бы платили ей, и она могла бы стать независимой. Вы, Джесмин и Дэйзи, могли бы ходить к нам в гости, хоть каждый день, пока мы не найдем подходящую школу, в которой вы могли бы завершить свое образование.

– Вы имеете в виду школу для сирот? – спросила Джесмин. – Нет, большое спасибо, но ваш план нам не подходит. Ни Дэйзи, ни я, мы не хотим учиться в школе для сирот. Мы вообще не хотим учиться в школе. Милая мамочка сказала однажды, что никогда не разрешит своим дочкам учиться в школе. Так что этот пункт вашего плана нам не годится. Кроме того, вы же понимаете, мы не можем всегда находиться в вашем доме в гостях. Мы с вами – не родственники. Вы о нас узнали совсем недавно, хотя мы живем почти рядом. Конечно же, мы не можем постоянно пребывать в вашем доме. Теперь о Примроз. Можно я буду говорить откровенно?

– О да, моя милая.

– Так вот, она не умеет хорошо писать. Пишет очень медленно и делает ошибки. Я-то пишу быстро, зато потом сама не могу прочесть написанное. Очень боюсь, что Примроз будет плохим помощником для бедного мистера Элсуорси. Нет-нет-нет, наш план намного лучше. Видите ли, миссис Элсуорси, вы не должны на нас обижаться – мы вас очень любим и многим вам обязаны. Но у нас есть одна идея: мы не должны быть разлучены. А, вот и Примроз. Примроз, дорогая, у нас миссис Элсуорси. Я как раз собиралась изложить ей наш план. Она нам рассказала о своем, но я ей объяснила, что он не годится. Потому, во-первых, что мы с Дэйзи не хотим ехать в школу, а во-вторых, ты же знаешь, Примроз, ты не умеешь хорошо писать.

– Здравствуйте, миссис Элсуорси, – вежливо сказала Примроз. Она выглядела изнуренной и усталой, на ее лице ясно читалась тревога.

– Миссис Элсуорси, – обратилась она к гостье, – я очень благодарна за вашу доброту к нам. Я знаю, вам не понравится наш план. Вы согласитесь с мистером Дэйнсфилдом, который полагает, что мы сошли с ума. Но мы приняли решение. У нас нет опекуна, и никто не может помешать нам делать то, что нам нравится.

– Какая ты расстроенная, Примроз! – воскликнула Джесмин. – Что, мистер Дэйнсфилд не согласился с тобой? Я знаю, наша дорогая миссис Элсуорси тоже не согласится. Расскажи ей скорей о нашем плане. Примроз, она говорит, ты ее не любишь. Объясни, что это неправда, что ты любишь. Она такая милая, добрая, хорошая, она нас поддержит, ведь мы так хотим осуществить наш план. Она не осудит нас за то, что мы, три сестры, решили жить вместе.

– Наш план таков, – начала Примроз. – Я попросила мистера Дэйнсфилда дать мне все наши деньги. После этого мы продадим мебель, откажемся от коттеджа, распрощаемся с милой Ханной и поедem в Лондон. Там будем учиться. Я собираюсь брать уроки рисования, Джесмин будет изучать родной язык и правописание. Дэйзи тоже будет учиться. Мы будем жить на деньги, взятые из банка, плюс наши пенсионные. Когда наш капитал кончится, девочки вырастут, и мы уже будем готовы сами себя содержать. Как видите, план простой. Основное его достоинство в том, что мы будем жить вместе.

Когда Примроз начала говорить, миссис Элсуорси стиснула руки на коленях жестом крайнего нетерпения. Теперь она спросила кратко и сухо:

– Могу я узнать, сколько у вас денег в банке?

– Да, конечно. У нас двести фунтов. Небольшая часть уйдет на оплату счетов, остальное – наше, плюс деньги от продажи мебели. Таким образом, мы сможем взять с собой в Лондон немногим более двухсот фунтов.

– И мы собираемся жить очень экономно, – вмешалась Джесмин. – По приезде мы проведем несколько ночей в пансионе для леди. Он называется «Пенелоп Мэншн» и расположен на Эджуер Роуд. У нас есть подруга по имени Поппи Дженкинс, так вот она как раз сегодня едет туда, чтобы помочь своей тете, которая держит этот пансион. Живя в Лондоне, мы осмотрим его достопримечательности, потому что это прибавит нам знаний. Мы пойдем в Вестминстерское аббатство и в Тауэр, чтобы изучить трагическую часть английской истории, а также сводим Дэйзи в зоопарк. Она часто просит показать ей много обезьянок вместе. Я не думаю, что у нас хватит времени глазеть на витрины – мы будем очень заняты и очень, очень серьезны, но эти достопримечательности мы должны осмотреть. Надеюсь, что Поппи, ее тетя и некоторые леди из пансиона пойдут вместе с нами. Когда Поппи сотрет утром пыль и расставит все по местам, у нее, несомненно, будет уйма свободного времени. Мне кажется, наш план так легко осуществить.

– Бедные, бедные дети! – воскликнула миссис Элсуорси. – Бедные мои, глупые, упрямые дети!

И добрая женщина залилась слезами.

Глава XV. Уговоры не действуют

Сколько миссис Элсуорси ни плакала и ни горевала, сколько ни убеждала и ни бранилась, она не смогла поколебать твердого решения Примроз. Покинув коттедж в состоянии крайнего раздражения, она твердила себе, что никогда больше не будет страдать из-за этих глупых и упрямых девочек.

Примроз повторяла снова и снова: «Две вещи очевидны: мы должны быть независимы и мы должны быть вместе. Я не могу придумать ничего лучше. Наш план может провалиться, но мы всеми силами будем стараться не допустить этого, всеми силами».

Миссис Элсуорси лелеяла свою обиду ровно двадцать четыре часа, а потом смягчилась и согласилась со своим мужем, который комментировал события так:

– Моя дорогая, мы не можем принудить детей. У них смелый план. Чтобы девочки сумели довести дело до конца, их надо поддержать.

– План и вправду смелый, – отвечала его жена взволнованно. – Я готова восхититься им, но только на словах. Если я имею хоть малейшее влияние на девочек, я употреблю его, чтобы помешать осуществлению этого плана.

Затем она помчалась к мисс Мартиноу и ворвалась к ней в час душевной беседы старой учительницы с учениками. Миссис Элсуорси увела ее от воспитанников и, прикрыв двери гостиной, схватила худые руки старой дамы и дала волю слезам.

– Джозеф назвал их план смелым, – закончила она свое повествование о последнем разговоре с девочками.

Лицо мисс Мартиноу выразило ужас.

– Смелым! – вскричала она. – Дорогая миссис Элсуорси, простите меня, но ваш муж – *мужчина*. Что может понять мужчина в диких идеях, которые могут запасть в душу упрямой девчонке? «Смелый!» Я бы назвала его нелепым, показным. Примроз Мэйнуеринг глубоко меня разочаровала. Она выказала неприличную несговорчивость, когда мы тут вчера беседовали. Осуществление этого «смелого» плана надо предупредить силой, если понадобится.

Ученики мисс Мартиноу в то утро не могли понять, что случилось с их учительницей. Они знали ее приверженность строгой дисциплине, знали, что у нее острый глаз и чуткое ухо. Ничто не могло ускользнуть от внимания мисс Мартиноу. Однако после визита миссис Элсуорси ее как будто подменили: она стала безразличной к ошибкам и не сделала ни единого замечания даже самым ленивым школярам, которые с трудом продирались сквозь французские тексты. Когда часы занятий подошли к концу, она поняла, что совсем не хочет обедать. Оставив нетронутой вкуснейшую еду, приготовленную по французскому рецепту, старая дама поспешила облачиться в пальто, чепчик чемоданом и вышла из дома. Она решила снова нанести визит Мэйнуерингам и объяснить этим твердолобым, упрямым девчонкам, что их план невыполним. «Дурной, – повторяла она про себя, – дурной – вот как я его называю. И внушенный сатаной. О, бедные мои сиротки! Я приложу все силы, чтобы ваш план не осуществился».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.